ПИОНЕР

22
1929

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

КФП

Пришел к нам на-днях парень среднего роста и говорит:—Желаю быть инструктором физкультуры.

— Что-ж,—говорим,—давай!

— А раз не препятствуете, так с этого номера вашего журнала и начнем!

Мы очень удивились и стали его расспрашивать, что и как. Когда он рассказал, нам его предложение понравилось, и мы его попросили написать об этом в журнал. Сел он и начал писать.

А пока он пишет, давайте ознакомимся с содержанием его портфеля. Портфель у него замечательный. Во-первых, тяжелый (килограмм тридцать!). Во-вторых, большой. Такого большого портфеля мы еще никогда не видали: по площади он едва ли будет много меньше вашей садовой калитки.

А уж внутри—прямо целый склад! Две пары коньков, складные... лыжи, складные... санки, боксерские перчатки, купальный костюм, мяч для волейбола, клюшка для хоккея, ракетка для лаун-тенниса и много еще разных вещей, и еще целая кипа бумаг...

Однако, парень уже кончил писать, давайте читать:

ПИСЬМО ПАРНЯ СРЕДНЕГО РОСТА

Я физкультурник. Катаюсь на коньках, хожу на лыжах, катаюсь с гор на санках. Дома занимаюсь гимнастикой. Не курю. Сплю при открытой форточке даже зимой. К сожалению, иногда приходится ее закрывать, потому что мои домашние говорят мне: „Или закрывай форточку, или выметайся из комнаты!!!" Ну, а какое удовольствие выметаться из комнаты ночью, в мороз? Приходится закрывать.

ЧТО Я ПРЕДЛАГАЮ

Физкультурой занимаются почти все ребята. Кто в школе, кто в пионеротряде, а кто и сам по себе. Наступает зима. Ребята возьмутся за коньки, лыжи, санки. Для того, чтобы было веселее, будут они это делать компанией. Но веселье зависит не только от компании, но и от умения проводить и изобретать всякие игры.

Многим ребятам хочется хорошо научиться бегать на коньках, на лыжах. А научиться негде.

Можно, конечно, записаться в какой-либо физкультурный клуб. Но часто выходит так, что записаться—записался, а посещать его некогда.

Вот и выходит, что научиться негде, за советом обратиться некуда.

Думал я об этом, думал, и решил организовать КФП — Кружок физкультуры „Пионера"—и сделаться его инструктором.

А заодно уж предлагаю и устав КФП:

1. Членами КФП могут быть читатели «Пионера», интересующиеся физкультурой.
2. Желающие быть членами КФП должны прислать в редакцию открытку или письмо с указанием своего адреса и тех видов спорта, которыми они занимаются или хотят заниматься.
3. Каждый член КФП имеет право участвовать в заочных соревнованиях, устраиваемых по разным видам физкультуры. Победителям соревнований будут даваться премии, призы и т. д.
4. Каждый член КФП может получать консультацию по всем интересующим его видам физкультуры.
5. Члены КФП могут участвовать в конкурсах, устраиваемых кружком по проверке физкультурных знаний.

ДЕТКОРЫ И ЧИТАТЕЛИ, ОТВЕЧАЙТЕ!

На каждом слове при спорах, при разговоре, просто в беседе наши пионеры говорят «честное пионерское слово». Хочет что-нибудь доказать, но не умеет, он пускает в ход самое «легкое» и «веское» доказательство—«честное пионерское слово».

Правильно это, деткоры и читатели? Нужно ли так бросаться «честным пионерским словом»? Обсудите этот вопрос и пришлите свои соображения.

* * *

Слет кончился. Делегаты приехали домой. Рассказали ли они вам о том, что сделал слет, какие вынесены предложения по работе? Слышали ли вы о наказе, который вынес слет? Улучшились ли отношения к пионерорганизации со стороны общественных и профессиональных организаций? Что для этого сделали делегаты слета? Как проходят отчетные собрания?

* * *

Все свое детство мы посвящаем учебе. Мы учимся для того, чтобы быть строителями будущего общества. Но вот мы кончаем школу. Завтра встречаем жизнь самостоятельными людьми со средним образованием. И каждый спрашивает себя «КАКОЕ ОРУЖИЕ ДАЛА МНЕ В РУКИ ШКОЛА?» Могу ли я приступить к строительству, могу ли я начать строить жизнь? Научила ли меня этому школа? Ответьте нам на эти вопросы...

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

НОЯБРЬ

№ 22

ПИОНЕР

двухнедельный иллюстрированный детский журнал

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

УДАРНЫЕ БРИГАДЫ

Эх, комсомольцы,—публика!
Все мысли об одном:
Жила бы Совреспублика,
А мы-то проживем.

Плохо с арифметикой. Не выдерживает старушка. Пока сидит в задачнике—ничего: все правила соблюдаются, плюс на плюс дает плюс, плюс на минус—минус, а как только арифметика вылезает из задачника в советские города, в шум и грохот, где этажи с этажами складываются в небоскребы, где фабрики возводятся в куб и четвертую степень, где множатся не по дням, а по часам новые заводы—теряется старая арифметика и заодно теряет все свои правила. Ветхие страницы задачников не выдерживают стремительного бега Советской страны.

Пятилетка—это, скажем, пятилетний план. Каждый год пятилетки—одна пятая, т. е. год, а год—это год, не больше, не меньше, как месяц есть месяц, а неделя—семь дней.

Но неделя перестала быть неделей и стала пятидневкой. А год стал годом с четвертью. Потому что в первый год пятилетки мы прошли четверть всего плана. За год мы построили то, что должны были выстроить в год с четвертью. И плачет старушка Арифметика над своим задачником, и удивляются умные школьники из первой ступени.

Но мы не удивляемся. Мы знаем, что рабочий класс, сделавший величайшую в мире революцию, переделывает огромную страну на социалистический лад, и если арифметика не может понять, куда пропали ее четыре правила, то мы понимаем, какое пятое правило арифметики действует в нашей стране. Это пятое правило—правило революционной необходимости.

Пятилетний план нашего наступления мы пройдем в четыре года. Но и при наступлении мы не избавлены от множества недостатков, которые мешают нам быстро двигаться к социализму.

Прогулы, халатность, недосмотр в работе—вот три минуса, при помощи которых у нас вычитаются лишние заводы, совхозы, машины.

В 1928 г. завод «Красный Треугольник» потерял из-за халатности 3 000 000 рублей, из-за прогулов—2 000 000 руб.

КОМСОМОЛЬСКИЕ БРИГАДЫ

В нынешнем году на халатность и прогулы брошены в наступление комсомольские ударные части.

Для того, чтобы бороться за качество работы, за скорейшее выполнение пятилетки, ленинский комсомол отдает лучшие свои силы.

Комсомол берет на себя боевое задание. Комсомол создает на фабриках и заводах ударные бригады. Бригады должны показать пример всем рабочим завода. Ни одной минуты прогула, ни одной секунды на ветер!

Вот первые боевые сводки:

Действующая армия
Местность — город Ленинград
Какая часть—фабрика «Равенство»

Донесение № 1

УДАРНИКИ ВЫСТУПИЛИ. РЕЗУЛЬТАТЫ СЛЕДУЮЩИЕ:

Выработка		Прогулы	
У взрослых рабочих 43,2 кг на одну машину	у ударников 46,4 кг на одну машину	У всех рабочих 12%	У ударников 2,5 %

За 18 432 рабочих часа только 40 часов прогула. Брак в 10 раз меньше, чем у взрослых рабочих.

Ударная бригада добивается того, чтобы то предприятие, на котором она работает, стало бы ударным.

УДАРНАЯ БРИГАДА ВЫВОДИТ В НАСТУПЛЕНИЕ УДАРНУЮ ФАБРИКУ

На «Красном Путиловце» делают тракторы. «Путиловец» —огромный завод; на нем много тысяч рабочих. Ударная группа комсомольцев по изучению тракторостроения узнала, что некоторые части тракторов получаются плохими из-за плохого чугуна. Тогда они обращаются к комсомольцам других мастерских со счетом.

«Комсомольцам чугуннолитейной, мартеновской, тигельной и меднолитейной мастерских:

Мы, комсомольцы-ударники тракторной мастерской, в интересах понижения себестоимости «Фордзона» и улучшения его качества организовали у себя ударную производственную бригаду. На первое время мы поставили перед собой конкретную задачу—помочь заводу выпустить в деревню лучшие дешевые тракторы. С первых же шагов своей работы наша ударная группа столкнулась с браком выпускаемых вами чугунных изделий. Так, в феврале мы забраковали ваших изделий:

По чугуннолитейной на 12 673 р. 23 к.

По мартеновской на 4 333 р. 79 к.

По тигельной на 1 421 р.—коп.

Мы предлагаем вам принять конкретные меры к уменьшению брака и приглашаем вас к себе в цех посмотреть, как тормозится сборка трактора из-за браковки ваших изделий.

Инициативная группа тракторной мастерской».

Тогда молодые литейщики организовали литейную бригаду по борьбе с браком. Они подняли на ноги производственные совещания и добились того, что через два месяца стало на 5% меньше брака.

Больше того, молодые ударники добились того, что старые литейщики, которые знают все «секреты производства» попросились к ним в бригаду.

ПОБЕДА НАД ФОРДОМ

Путиловцы-ударники завоевали фордовское магнетное кольцо, без которого не может обойтись ни один трактор. Эти штуки выписывались из заграницы, и если бы Форд вдруг перестал продавать нам свои кольца, мы должны были бы выдумать свои.

И выдумали, не дожидаясь этого, не желая переплачивать лишние деньги заграницу.

Выдумать было труднее, чем написать, а вам прочитать об этом. Но комсомольцы-электрики тяжелой работой добились сначала того, что они сделали такое же магнетное кольцо как у Форда, но дороже, не за 13 рублей, а за 19, потом они снизили до 13 рублей. А теперь завод «Красный Путиловец» вырабатывает свои магнетные кольца на 4 рубля дешевле, чем у Форда.

Комсомольцы вычли у Форда его прибыль, что с первого раза казалось почти невозможным. Но много почти невозможных вещей делается в стране, которая строит социализм. Магнетное кольцо—не первая и не последняя почти невыполнимая вещь. Старая, дореволюционная Арифметика плачет.

Сводка тринадцатого года революции:

Комсомольские ударные бригады с боем продвигаются вперед по всему фронту социалистического наступления.

Вперед, за дело коммунизма!

ПОДКОП

Воспоминания Б. БИБИНЕЙШВИЛИ
Рисунки А. ЦЕЛЬМЕР

В 1907 году Кутаисская тюрьма была битком набита политическими. Арестованных приводили почти ежедневно. Непрерывно двигались на север этапы административно высланных, но население тюрьмы не убывало. Ее коренное население составляли участники разных процессов, привлеченные по знаменитым 101 и 102 статьям Уголовного уложения. Тут были участники республик: Квирильской, Рача-Лечхумской, Зугдидской, Гурийской [1] и других. Люди годами ждали суда. Тут были люди, судившиеся по три и по четыре раза и обреченные на десять лет каторги. В тюрьме имелись специальные камеры для „смертников“. Здесь сидели те, которых ожидала высшая мера наказания—смертная казнь через повешение. Нечего говорить, что заветной мечтой каждого арестованного было как-нибудь удрать из тюрьмы. В тюрьме сочинялись всевозможные планы побегов и подкопов. Со своей стороны тюремная администрация также не дремала. Охрана тюрьмы была организована очень хорошо, и попытки к побегу обычно кончались неудачей.

Бывали, конечно, и случаи удачных побегов. В 1907 году было два таких случая. Первый случай был с Зах. Гурули, которому удалось во время свидания проскользнуть через сетчатую перегородку, которая отделяла арестантов от посетителей. Привратник, следивший за свиданием и передачами, был подкуплен и отвел глаза, когда Гурули проскочил через узкое отверстие в перегородке. Второй случай—это побег одного из членов боевой дружины Апрасиона Мерквиладзе, молодого Аввакума Саманишвили. Его взяли с собой на этап вместо другого товарища К. Цинцадзе и М. Бибинейшвили. А тот арестант, которого должны были сослать, симулировал болезнь и лежал в это время в тюремной больнице. При этих обстоятельствах нужно было устроить такой подкоп, чтобы через него могло уйти много заключенных.

Впервые этот вопрос поднял в тюрьме К. Цинцадзе, который обещал товарищам по возвращении из административной ссылки взяться за это дело серьезно. В сентябре 1907 года К. Цинцадзе бежал из Вятки и пробился в Кутаис. В узком кругу товарищей было решено начать подком не изнутри, а снаружи.

К югу от Кутаисской губернской тюрьмы проходит Оборинская улица. В начале этой улицы, как раз против тюрьмы, находился одноэтажный дом некоего Панцхава. Расстояние от тюремной ограды до дома равнялось приблизительно двадцати пяти метрам. Во дворе тюрьмы между оградой и корпусом обычно находился часовой. Снаружи на углу Оборинской улицы, у самых ворот дома Панцхава стояла караульная будка с другим часовым. Ведя подкоп извне, его следовало начать от дома, а оттуда по кратчайшему расстоянию рыть под секретную камеру № 1, расположенную в нижнем этаже тюрьмы. Так и решено было сделать.

Начались подготовительные работы. Успеху предприятия очень содействовало следующее обстоятельство. Дом Панцхава оказался совершенно пустым. В свое время дом этот был на дурном счету у администрации. Окна верхнего этажа тюрьмы смотрели прямо во двор дома Панцхава, и это широко использовали родственники и друзья заключенных. Между тюрьмой и домом постоянно происходили переговоры при помощи мимики и условных знаков. Администрация тюрьмы настояла на том, чтобы дом этот был очищен от квартирантов. Нам предстояло под благовидным предлогом нанять дом и устроить так, чтобы квартирантами сделались наши же товарищи. Риск был, конечно, очень большой, но нашлись товарищи, которые не остановились перед ним. В доме поселились: 1) наш старый товарищ Ер. Ломтатидзе, который заведывал раньше складом нелегальной литературы, 2) тов. Маро Бочаридзе—в качестве „жены“ тов. Ломтатидзе и 3) Наталия Каландадзе в качестве его „сестры“. Эта троица вполне благополучно поселилась в доме Панцхава. У всех были чужие паспорта. Товарищ Ер. Ломтатидзе нанял дом на шесть месяцев и уплатил вперед все, что полагалось.

У меня взяли ткацкую машину со всем необходимым оборудованием. Все нелегальные сношения с тюрьмой были прекращены. Несомненно, тюремная администрация осталась этим очень довольна. Дом Панцхава превратился в „ткацкую мастерскую“. На окнах были выставлены в качестве образцов носки и чулки. Весть о мастерской быстро обежала окрестных жителей. Пошли заказы. Приходили многие

[1] Названия различных уездов Грузии.

из тюремных служащих. Тюремная администрация вполне доверчиво отнеслась к жильцам, которые не проявляли ни малейшего интереса к арестантам.

Работа над туннелем из подвального этажа дома скоро началась. Вырытую землю мы решили складывать тут же в подвале. Работали товарищи К. Цинцадзе и Б. Купрашвили и двое рабочих горняков из Чиатур. Действовать приходилось примитивными орудиями. Поэтому, чем дальше подвигалась работа, тем труднее она становилась. Под землею нехватало воздуха, свечи гасли, нечем было дышать. Только закаленные в бою революционеры со стальной волей могли начать и довершить это дело.

Подкоп близился к концу, и вдруг одна незначительная случайность чуть не провалила так удачно начатое дело. Хозяин дома Панцхава узнал каким-то образом, что из его дома готовится подкоп под тюрьму. Он немедленно кинулся к дому и хотел было войти в подвал, но наши его не пустили, они заявили, что хозяина квартиры нет дома, ключи у него, пускай приходит попозже. Когда Панцхава ушел, тов. Ер. Ломтатидзе отправился проследить, чтобы тот не завернул в сомнительные места.

Проводив тайком Панцхава, Ломтатидзе прибежал ко мне и рассказал о случившемся. Как громом пораженный, накинулся я на него с упреками. Я не понимал, как это они, такие опытные люди, не догадались арестовать Панцхава и использовать его для работ в туннеле. Можно было бы заставить его написать к семье, будто он уехал в Тифлис и вернется только через неделю. Письмо можно было опустить в почтовый ящик в Тифлисе. Но теперь время упущено. Правда, он не осмелится выдать нас, но будет шантажировать и навяжет нам условия, которые мы вынуждены будем выполнять.

Нам оставалось только одно: найти какое-нибудь влиятельное лицо и с его помощью договориться с Панцхава, пообещав ему возместить убытки, если они произойдут от наших действий. Наш выбор остановился на старом революционере и общественном деятеле Георгии Здановиче.

Мы могли откровенно рассказать ему обо всем, а для Панцхава он был достаточно авторитетным. Решено было поговорить с Георгием Здановичем через меньшевика Гр. Лордкипанидзе. Зданович выдал Панцхава вексель на 3000 рублей.

25 сентября к вечеру туннель был готов. Побег должен был совершиться на другой день—26 сентября, около 4 часов дня, во время общей прогулки. Был составлен список бегущих товарищей и выработан порядок побега. В список вошло тридцать семь политических заключенных. Было выделено несколько заключенных товарищей для руководства побегом внутри тюрьмы.

Один из политических арестованных, участник побега, писатель Лео Киачели, так описывает выработку плана побега внутри тюрьмы и проведение его в жизнь:

„В работу втянули надежных товарищей из административных[1], которые не были лично заинтересованы в побеге. Одному из них было поручено караулить у секретной камеры № 1, откуда арестанты должны были спуститься в туннель. У этого товарища в руке было два платка—красный и белый. Если не было опасности и путь был свободен, он держал на виду белый платок, тогда—арестанты один за другим входили со двора в секретную камеру и бежали через туннель. Если же по какой-либо причине нужно было на время приостановить побег, тот же товарищ держал на виду красный платок. При виде его арестанты должны были остановиться, не входя в секретную камеру до тех пор, пока у товарища вместо красного платка не появится белый.

Другой товарищ следил с верхнего этажа за домом и двором Панцхава. В случае тревожных сигналов со стороны дома он должен немедленно послать вниз в тюрьму специального курьера, чтобы сообщить об опасности товарищам. Один из товарищей ходил по тюремному двору со списком и вызывал по очереди кандидатов на побег, предлагая каждому из них осторожно спуститься через секрет в туннель. Вызванный товарищ передвигался медленными шагами, как бы устав от гулянья. Когда очередной беглец выходил из туннеля, товарищи подавали знать соответствующим образом товарищу со списком, и тот вызывал следующих. Арестанту, числившемуся за администрацией, Виктору Кавтарадзе, было поручено занять в тюремной лавочке надзирателя нижнего этажа. Товарищ Кавтарадзе должен был угостить его заранее приготовленной курятиной.

Дом был предварительно эвакуирован. В нем остались только товарищи Еремия, Маро и Наташа. Неподалеку от тюрьмы стояли парные извозчики или, как их называют на Кавказе, „фаэтоны". Товарищи, выйдя из туннеля, направлялись к этим фаэтонам, обменивались заранее условленным паролем с сопровождавшими фаэтон специальными проводниками, затем отправлялись на заранее приготовленные квартиры. Большая часть бежавших, часть пешком, часть на фаэтонах, прибыла в гостиницу „Гурия". Я ждал их здесь с несколькими товарищами. Мы занялись распределением их по отдельным домам, причем до назначенного места их провожали все те же специальные проводники.

Нужно заметить, что на этом смело задуманном предприятии вполне оправдалось старое положение, что легче совершить революцию, чем удержать ее завоевание. Все свое внимание мы сосредоточили на устройстве подкопа, укрывание же бежавших товарищей нам казалось делом пустяковым. Однако, на деле все вышло совсем не так. Вполне прав был товарищ Цинцадзе, который заметил: „Надо сказать, что организация подкопа оказалась гораздо более легким делом, чем устройство бежавших товарищей. Их нужно было снабдить квартирой, деньгами и одеждой и отправить многих из них в Тифлис, надев на них парики и т. д. Словом, предстояло очень много возни, и дело оказалось гораздо сложнее, чем копать землю и выводить товарищей".

В самом деле, шутка ли устроить в маленьком мещанском городке, каким был Кутаис, не просто подкоп, как мы его называли, а настоящий туннель, с освещением и укрепленными сводами, длиною в 20—25 метров, через который бежало до сорока важных политических деятелей? И это было сделано среди бела дня. Куда после этого девать глаза опозоренной кутаисской жандармерии? Она пустила в ход все средства, чтобы найти организаторов подкопа и арестовать бежавших из тюрьмы политических.

Такой удачный и смелый побег политических вызвал огромный энтузиазм среди трудящихся и изрядно напугал мещанскую часть общества. Полиция

[1] Сосланных в административном порядке—без суда.

рыскала по городу. Репрессии усилились. Стало очень трудно укрывать бежавших товарищей.

Даже дворянски-интеллигентная часть общества сочувственно отнеслась к побегу и всячески помогала нам, предоставляя хорошо законспирированные уголки для бежавших товарищей.

Что касается меньшевиков, они палец о палец не ударили, чтобы помочь побегу, и не потратили ни одной копейки на подкоп. Все их участие в подкопе выразилось в том, что З. Гурули принимал участие в подкопе в течение нескольких дней, а Гр. Лордкипанидзе вел переговоры с Г. Здановичем.

Большинство товарищей чувствовало себя в полной безопасности в предоставленных им квартирах и уголках. Но четверо или пятеро из них, не доверяя городским квартирам, задумали отправиться к себе домой. Они были арестованы на станции Мухиани и возвращены в тюрьму.

Несколько дней спустя мы получили известие, что наши два товарища, Чичико Асатиани и Л. Киачели, блуждают в Годоганском лесу. Я немедленно послал туда тов. Г. Жвания, который доставил их в Кутаис.

Было решено в первую очередь услать из Кутаиса наиболее тяжких „преступников", и лишь во вторую очередь тех, кому угрожала опасность поменьше. Раньше всех отправили Моисея Бейтлера. Его сопровождал до станции Рион Ал. Мусеридзе[1]. Затем был отправлен Фома Чубинидзе и Измаил Чумбуридзе. Мы уже готовили третью партию, как вдруг нагрянула беда: 2-го октября на рассвете полиция оцепила всю Архиерейскую гору и начала строжайший обыск. Полицейские обшаривали дома, кусты, заборы. В ту ночь на Архиерейской горе скрывалось несколько товарищей, в числе них были Саша Степанов и Давид Сулиашвили. Когда начался обыск, товарищ Степанов вышел из дому и спрятался в кустах, но оттуда его быстро вытащили. Д. Сулиашвили уцелел. Он скрывался у псаломщика кафедрального собора Канделаки, сочувствующего большевикам.

Этот обыск и провал был для нас величайшей неожиданностью. Мы были подавлены. Тем не менее надо было во что бы то ни стало спасти остальных товарищей.

Я так ясно припоминаю это время, как будто все это случилось вчера. Был воскресный день. Стояла чудесная осенняя погода. Я и псаломщик Канделаки весь день без устали ходим по базару. Купили три пары одежды, две мужских и одну женскую. На вечер я пригласил к себе на квартиру беспартийного, но вполне надежного парикмахера со всеми необходимыми приспособлениями, включая сюда и парики. Купил за десять рублей паспортных бланков у мещанского старосты Измаила Гоголашвили, который поставлял паспорта эсеровской организации. Вызвал к себе также А. Мусеридзе и псаломщика Канделаки, чтобы проводить отъезжавших товарищей. Тов. К. Цинцадзе звать не приходилось — он все это время жил у меня. Нужно было отправить трех товарищей: Александра Чиканв, Лаврентия Есванджия и Джохадзе. Стемнело. В моей комнате закипела работа. Парикмахер одного из беглецов побрил, другому сделал парик. Джохадзе был совершенно молодой, парикмахер его напудрил. Котэ в это время примерял одежду. Его мы нарядили в женское платье. Всем обликом своим он очень походил на женщину, но походкау него была совершенно мужская. Мы много смеялись и убеждали его учиться ходить мелкими шажками. Вот все уже одеты, прически в порядке, все совершенно преобразились и стали неузнаваемыми. Ал. Чикава просит дать ему наиболее надежный паспорт. Я выбрал для него бланк уездного управления и принялся списывать сведения с одного из подлинных, выданных кому-то паспортов. В дело вмешивается Мусеридзе и просит, чтобы я выбрал из бланков мещанского управления. Я не послушался и продолжал писать. Мусеридзе стал доказывать Ал. Чикава, что паспорт мещанского управления надежнее. Никто, конечно, на это не обратил внимание. Я только шутя сказал:

— Ты, брат, не сбивай с толку людей. А ты, дорогой Александр (Чикава), верь мне больше, чем ему. Алфес (Мусеридзе) как-никак полицейский.

Все засмеялись, и разговор на эту тему прекратился. У всех было великолепное настроение. Мы чувствовали величайшее удовлетворение, что выпускаем товарищей в свет, так сказать, в полном вооружении. Котэ и я расцеловали отправлявшихся в дорогу товарищей. Я расцеловал также Ал. Мусеридзе и сказал ему, чтобы он по обыкновению умно и осторожно довел их до станции Рион и отправил бы дальше в Тифлис. Я просил его немедленно сообщить мне, если по дороге случится какая-нибудь неприятность.

Было уже поздно, мы улеглись, но нам что-то не спалось. Тов. Котэ нарушил молчание и спросил:

— Кто же этот чиновник, который так энергично нам помогает?

Когда очередной беглец выходил из туннеля, товарищи давали знать другому.

[1] Полицейский чиновник, оказавший большие услуги партии, но впоследствии превратившийся в провокатора.

Я рассказал, откуда он явился, кто он и какие за ним заслуги. Вскоре Котэ заснул. Я примолк и задумался. Уже клонило ко сну и меня, вдруг послышался звонок. У меня сразу мельнуло в голове: „Не полиция ли?“ Я стал будить Котэ, наугад сказал ему, что пришла полиция и надо удирать. Он что-то бормотал и не двигался. „Ну и к чорту тебя, коли не хочешь просыпаться. Вот арестуют, если не встанешь, тогда посмотрим!“, сказал я, сердясь, и направился к двери. Я открыл дверь и увидел стоящего у фаэтона перед подъездом Мусеридзе. Дрожь пробрала меня,—я понял, что наших арестовали. „Не устроил ли все это Мусеридзе?“, мелькнуло у меня в голове. Но эту мысль я тотчас же отбросил и спросил Мусеридзе:

— В чем дело, что случилось?

— Все попались. Как только мы сели в вагон, нас окружили, их арестовали, а я еле спасся.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что их арестовал уездный начальник со своими стражниками, хотя станция находится в городе и подчиняется полицмейстеру. Я сказал Мусеридзе, чтобы он непременно зашел ко мне на службу завтра утром. Мы с Котэ лежали молча от горя.

Наконец, я пришел в себя. Я стал доказывать, что предал товарищей Мусеридзе. Я вспомнил, как он не хотел, чтобы мы дали товарищам принесенные им паспортные бланки. Подозрительным казалось и то, что товарищей арестовал не полицмейстер, а уездный начальник.

Подозрение нужно было или окончательно рассеять, не разглашая, или же доказать во что бы то ни стало. Я взялся за это дело, так как знал Мусеридзе, как своих пять пальцев. Он обычно казался наивным, точно ребенок, и я полагал, что ему не удастся обмануть меня. Я передал Котэ свои соображения и просил его еще только три дня никому ничего не говорить об этом деле. Я хотел в виде опыта дать Мусеридзе какое-нибудь поручение или сообщить ему какой-нибудь нарочито выдуманный секрет. Котэ согласился.

Нужно было действовать.

Мусеридзе, как было условлено, явился ко мне в банк в назначенный час. Сначала мы поговорили о происшедшем провале. Затем я очень осторожно заговорил о товарищах. Я стал их бранить и упрекать в том, что они всю работу взвалили на меня. Никто из них кроме Котэ мне не помогает. Да и Котэ невероятный лентяй. Даже вчера, когда нам казалось, что на нас нагрянула полиция, он поленился встать, чтобы бежать. Все бежавшие из тюрьмы, кроме Бейтлера и арестованных вчера, находятся здесь. Им нужны квартиры, нужен уход, и я не знаю, что мне делать! Я бы с удовольствием бросил все, но мне жаль товарища Фому Чубинидзе. Если сегодня же не перевести его на другую квартиру, то он пропадет,—обязательно найдут его и арестуют. А между тем Чубинидзе был уже в Тифлисе.

Так приблизительно разговаривал я с Мусеридзе. Он предложил мне перевести Ф. Чубинидзе к нему на квартиру. Я отказался от этого предложения и заявил, что это неудобно. Он живет у тестя, у которого бывает много людей, кто-нибудь разболтает и Чубинидзе погибнет. Однако, если до вечера я не добуду для него нигде подходящей комнаты, придется прибегнуть к его содействию. Я просил его зайти ко мне вечером в шесть часов или в семь. Мы расстались. Ровно в шесть часов вечера он был у меня на квартире. Я поблагодарил его за точность и сказал, что для тов. Чубинидзе мне удалось добыть комнату у бухгалтера С. Кобидзе, который служил на винном складе Ф. Челидзе. Квартира во всех отношениях хорошая, но с нею связано одно только неудобство—уже несколько человек узнали о нашем секрете. Я больше ничего не могу сделать. Если провалится,—пусть провалится. Не могу же я один за всех распинаться. Я пожал Мусеридзе руку, и он ушел. Я поспешил к винному складу Челидзе у красного моста, отыскал Кобидзе и предупредил его, что за мной следят шпики. Они видели, как я в прошлый раз заходил сюда. Возможно, что его в течение дня обыщут,—пускай он уничтожит все, что есть в доме компрометирующего.

На другой день я не видел ни Кобидзе, ни Мусеридзе. На третий день рано утром я забежал на склад Челидзе к тов. Кобидзе. Не успел я его ни о чем спросить, как он сам мне заявил:

— Ты меня во-время предупредил. Как раз в ту самую ночь нагрянул уездный начальник со стражниками и перевернул у меня все вверх дном. У меня гостил двоюродный брат. Его чуть было не арестовали. У них были какие-то карточки. Они то-и-дело поглядывали на карточки, а потом на двоюродного брата. Повидимому, сравнивали.

Теперь мне все было ясно. Я, как ужаленный, кинулся домой. Все думал, достаточно ли этого факта для доказательства того, что Мусеридзе провокатор?

Я решил поговорить с Котэ и направился к нему. У бульвара я совершенно неожиданно встретил Мусеридзе. Он был очень удручен. С ним была его свояченица. Поздоровавшись, я спросил, почему он так грустен? Он ответил, что у него умер недавно родившийся ребенок и что он идет заказывать гроб. Я выразил ему сочувствие, отвел его в сторону и сказал на ухо:

— Хотя тебе сейчас не до наших товарищей, но все-таки сообщу тебе приятную новость. Наш Фома (Чубинидзе) прямо чудом спасся. Помнишь, я говорил тебе, что он скрывался у Челидзе. Позавчера ночью полиция была у бухгалтера Кобидзе и произвела строжайший обыск.

Котэ мы нарядили в женское платье.

— И что же дальше?—с нетерпением спросил Мусеридзе.

— А дальше то, что Кобидзе прямо умница: вместо того, чтобы оставить Чубинидзе у себя в комнате, как я ему советовал, он, оказывается, отвел его прямо в винный погреб и спрятал там в бочке. Он и теперь в погребе. Правда, сейчас множество товарищей знают об этом, но что же делать! Я не могу нигде добыть ему лучшей квартиры.

После этого разговора мы разошлись.

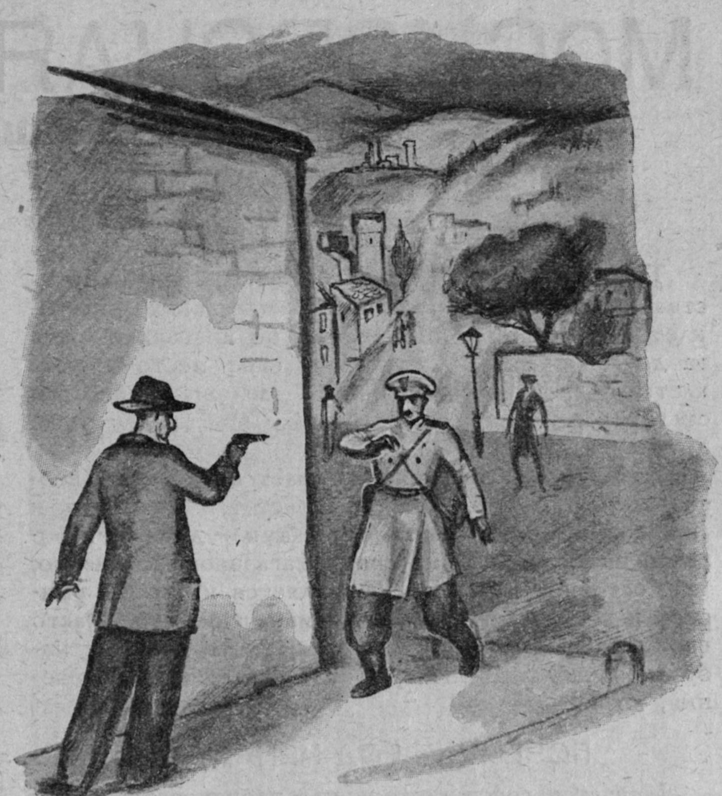
На следующее утро я опять отправился к бухгалтеру Кобидзе.

Последний, увидя меня, сказал:

— Ты что, брат, провокатор, что ли? Как только ты появишься у меня, вслед за тобой идет полиция и обыскивает меня! Вчера опять явился уездный начальник со стражниками. Теперь они набросились на винный погреб, перевернули все бочки, как-будто искали не человека, а мышь.

После этих слов для меня уже не оставалось никакого сомнения, что Алфес Мусеридзе провокатор. Об этом я немедленно передал товарищам. Было решено „изъять“ его во что бы то ни стало. Но предварительно нам хотелось узнать, кого он успел выдать. Мы решили похитить его, а до похищения поддерживать с ним прежние отношения. Я был уверен, что меня он выдаст последним, так как он всегда имел дело непосредственно только со мной. Мы немедленно предупредили всех товарищей, чтобы они помимо меня не сносились с ним непосредственно. Это предупреждение нарушил меньшевик Нестор Чхиквадзе, которому меньшевистской организацией было поручено убить уездного начальника. Чхиквадзе обратился к Мусеридзе за некоторыми сведениями: когда выходит уездный начальник, куда и по каким улицам он ходит и т. д. Это происходило в то время, когда Мусеридзе уже стал провокатором, и он решил арестовать Чхиквадзе. Он вышел на бульвар, а за ним поодаль следовали стражники. Было условлено, что они арестуют того, кому Мусеридзе подаст руку. Мне необходимо было непременно в тот день повидать его и позвать к себе на квартиру к шести часам вечера. Наш план был таков: если Мусеридзе явится один—захватить его. Если же он явится со стражниками—то убить. Товарищи, которые должны были осуществить похищение, были заранее спрятаны в доме.

Я вышел на бульвар и стал бродить взад и вперед, ища глазами Мусеридзе. Вдруг я столкнулся с ним лицом к лицу и протянул ему руку; он пожал ее точно нехотя, а лицо у него в эту минуту было странное, помутившееся. Вижу, что он оглядывается по сторонам. Я передал ему, что хотел, и быстро отошел. Не успел я отойти нескольких шагов, как меня нагнали стражники в бурках. Объявили мне, что я арестован, и повели дальше. Мы перешли на другую сторону бульвара, к тому месту, где находится завод Лагидзе. В карманах у меня был револьвер системы Марса, полученный в подарок от товарища Камо, только что присланная из заграницы литература и письмо. Я обдумываю на ходу, как бы уничтожить или незаметно выбросить письмо. Вдруг нас догоняет Мусеридзе, отводит в сторону старшего стражника и что-то говорит ему, указывая на меня рукой. Затем подходит ко мне и говорит, что меня арестовали по ошибке и что я могу итти.

Когда Мусеридзе поровнялся с магазином Филиппова, раздался выстрел.

Я попросил его проводить меня до кондитерской Сесиева. По дороге он с упреком сказал мне:

— Странно, что вы все собираетесь на бульваре.

Я грубо ответил ему, что сейчас не время читать нотации, об этом мы поговорим вечером. С этими словами ушел. К себе на квартиру я больше не возвращался, а скрылся в доме Гиго Цулукидзе. В тот же день, в назначенный час, Мусеридзе явился на мою квартиру в сопровождении нескольких переодетых стражников, но ушел оттуда ни с чем. На другой день он уже один энергично разыскивал меня по всему городу, говоря всем знакомым, что я ему очень нужен и что он просит меня о свидании.

Очевидно, он догадался, что мы знаем о его предательстве. Он знал, как мы расправляемся с предателями, и должно быть рассчитывал разубедить нас. Мы твердо решили с ним больше не встречаться. На следующий день в десять часов утра он вышел из своей квартиры в сопровождении стражников. Затем стражники куда-то скрылись; Мусеридзе вошел один в книжный магазин Исидора Квицаридзе и передал ему несколько паспортных бланков, о которых Квицаридзе просил его раньше. Жена Квицаридзе обратила внимание на его болезненную бледность и спросила, что с ним случилось, не болен ли он. Мусеридзе ответил, что у него болит поясница.

Между тем, предателя по пятам преследовал террорист Кикава, поджидавший лишь удобного момента для расправы. Он хотел было стрелять в Мусеридзе перед магазином, но остановился, боясь, что это может повредить Квицаридзе.

Когда Мусеридзе вышел из магазина и поровнялся с магазином Филиппова—раздался выстрел. Провокатор был убит.

МОСКОВСКАЯ ПЯТИЛЕТКА

РЕШИМ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

Очерк А. РОДИНА

ГОРОД—ЧТО ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА

Тело человека состоит из бесчисленного количества маленьких, микроскопически маленьких частиц— клеток. Эти клетки постепенно, но постоянно одна за другой умирают, уступая свое место другим клеткам, вновь нарождающимся. Человек себя чувствует все тем же существом, но тело его уже лет через десять иное.

Как человек частично умирает и частично воскресает, но в то же время растет и зреет, так и город отдельными своими клетками — домами, заборами, вывесками и витринами магазинов постепенно, но постоянно меняется, обновляется и как бы умирает и воскресает. Не всегда мы видим это,—часто город очень медленно меняется, и мы еще не настолько наблюдательны, чтобы видеть эти изменения, но это так.

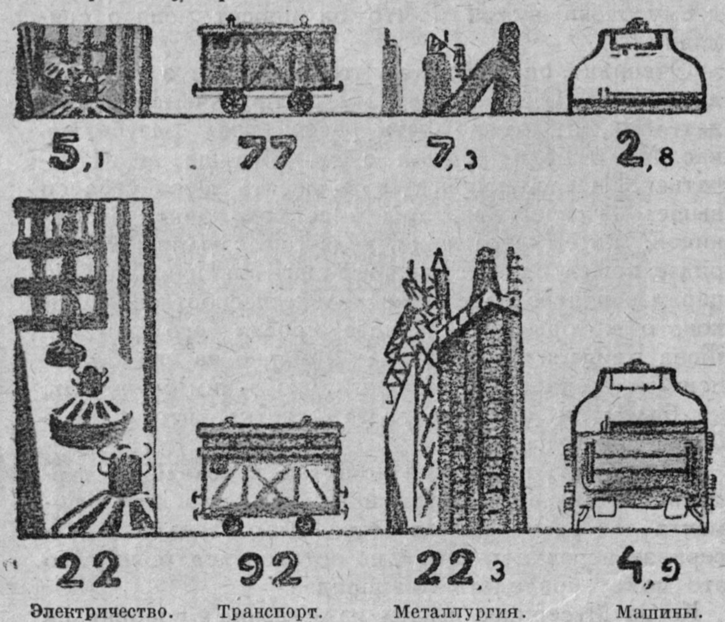
ПОЧЕМУ ГОРОД МЕНЯЕТСЯ

Меняется город потому, что народное хозяйство не стоит на месте—создаются новые фабрики, увеличивается торговля, изменяются хозяйственные отношения людей—там, где была частная торговля, теперь возникает кооперация, где были кустари-одиночки,—там артели. Потому и появляются новые вывески, и новые витрины, и новые дома.

ТАК ЛИ ЭТО?

Скажут некоторые—города растут не потому, что экономика, то есть хозяйственные отношения людей, изменяется, а потому, что растет, увеличивается население. Раз больше стало людей, значит больше нужно домов.

Но мы знаем такие города, которые не растут, а хиреют, умирают. Был когда-то „богат и славен“ Новгород Великий, было в нем много населения, он непрерывно рос, потому что стоял на большой дороге между Петербургом и Москвой и вел обширную торговлю, но провели железную дорогу, оставив Новгород в стороне. Не стало торговли, не стали открывать новых фабрик, население не только не увеличилось, но даже уменьшилось.

Наверху—наша промышленность в начале пятилетки. Внизу—в 1933 году к концу пятилетки.

ДУМАЛИ ЛИ ВЫ ОБ ЭТОМ?

Думали ли вы о том, какова будет судьба вашего города в ближайшие годы? Осуществляется пятилетний план изменения народного хозяйства, усиленным ходом идет индустриализация, мы движемся к социализму... Как она коснется вашего города, какие изменения будут в вашем округе?

Не будем приводить большого числа цифр об изменениях всего нашего народного хозяйства. Посмотрите только на таблицу.

Рост очень велик. Всего за 5 лет на строительство будет затрачено 64 миллиарда руб., из них 41 млрд. на промышленность, электрификацию и транспорт. Зато если промышленность в прошлом году дала продукции на 21 миллиард руб., то в 1932/33 г.—на 43 миллиарда, а сельское хозяйство вместо 17 миллиардов—25 миллиардов.

ЧТО БУДЕТ В МОСКВЕ?

Я—москвич. Хожу по улицам своего города и думаю о том, как изменится наш город тогда, когда в нем будут созданы в течение пятилетки новые заводы и фабрики. Я знаю, что одних новых металлургических заводов должно возникнуть—десять: велосипедный, стоимостью пять миллионов, часовой—в семнадцать миллионов, инструментальный, арматурный, трубочный, типографских машин, станков для фабрик и др.—все стоимостью в 75 млн. рублей. Когда они будут пущены в ход, они дадут новой продукции на 120 млн. руб. в год, а вместе с расширением старых заводов (заметьте, некоторые не будут похожи сами на себя, настолько они будут увеличены и расширены) металлопромышленность в пределах города Москвы будет увеличена в четыре раза против того, что она представляет теперь.

Много делается и в электропромышленности— достраивается электрозавод (за 5 лет вкладывается в него 30 млн. руб.), сооружаются три новых завода—медицинских электроприборов, элементный завод и завод магнето—они будут ежегодно давать новой продукции на 25 млн. рублей.

Не будем подробно перечислять того, что создается в лесной промышленности (четыре фабрики), в химической (лаковый завод, красочный, сжатых газов), по обслуживанию культурных потребностей (музыкальные инструменты, граммофоны) и т. д.

Из текстильных фабрик будут созданы только две прядильных, остальное крупное строительство будет производиться не в Москве.

ЗАЧЕМ СТРОИТЬ ЗАВОДЫ В МОСКВЕ?

Некоторые говорят, что не надо строить в Москве заводов и фабрик. Отсюда далеко до сырья—металл, уголь и нефть везут за тысячу километров с юга, не лучше ли новые заводы строить там, где рядышком находится сырье? Зачем в Москву привлекать новых рабочих, если в городе дорогая жизнь и значит рабочим придется платить дороже, чем в других городах. Не лучше ли распылить новые заводы и фабрики по всей стране, чтобы дать возможность населению и других мест применить свой труд на фабриках. Как вы думаете?

ЛУЧШЕ ЛИ РАСПЫЛИТЬ ЗАВОДЫ ПО ВСЕЙ СТРАНЕ?

Да, лучше. Когда фабрики и заводы будут распределены по разным областям, округам, когда будут индустриализированы не только пять—десять таких очагов индустриализации, как Москва, Ленинград, Иваново-Вознесенск, Луганск и пр., то опролетаризируются, сделаются рабочими города всей страны. Так и делается. Если вы видели карту пятилетки, то вы, вероятно, обратили внимание на то, что новые промышленные предприятия разбрасываются по многим городам Союза. Но это не значит, что в Москве не надо создавать новых заводов.

ГДЕ ПРОИЗВОДИТЬ СТАНКИ, ЧАСЫ И ВЕЛОСИПЕДЫ?

Обратили ли вы внимание на то, какие именно заводы и фабрики строятся в Москве? Заметили ли вы, что текстильная промышленность в Москве не развивается? Город как бы разгружается от хлопчатобумажной промышленности, и другие города будут опережать Москву в этом отношении.

Но московские заводы будут делать велосипеды, мотоциклеты, часы, рентгеновские аппараты, электрическую арматуру, станки и пр. Какой иной город может выделить высококвалифицированную рабочую силу? Где еще может итти подготовка молодежи в фабзавучах к таким разнородным и тонким специальностям, как точная механика, строительство машин, производство инструментов, красок и пр. Только Москва, с ее уже издавна существующими заводами, с квалифицированными рабочими, мастерами, инженерами, с ее научно-исследовательскими институтами, может быть пионером в новых производствах и выделить из себя пригодную для них рабочую силу.

ЧТО ВЫГОДНЕЕ?

Вот вам задача: что выгоднее—везти ли в Москву сырье из Донбасса и отсюда из Москвы развозить изделия по Союзу или в Донбассе открыть заводы, изготовляющие изделия, и оттуда везти готовые изделия в Москву и другие города?

Оказывается, что плата за провоз по железной дороге (тариф) чугуна совсем дешева, а готовых изделий значительно дороже. Так всегда работают железные дороги. За провоз людей на одинаковое расстояние они берут одинаковую плату, а за провоз груза они берут разную плату, в зависимости от его ценности. Нельзя же брать, например, одинаковую плату за провоз дров, каменного угля и за провоз чая, сахара; если за провоз дров брать столько, сколько за провоз чая и сахара, то мы все сидели бы без дров. Чем малоценнее груз, тем он дешевле.

Если бы подсчитать все в цифрах, то окажется, что выгодно часто везти в Москву, в центральный город, сырье, а отсюда везти готовые изделия; иначе все равно из Донбасса пришлось бы больше половины продукции везти в Москву, где находится железнодорожный узел, и платить за провоз готовой продукции очень дорого. Из Москвы идут дороги во все концы СССР. Значит, все доводы против строительства заводов в Москве отпадают. Припомним еще кстати и наличность фабрик электричества, расположенных близ Москвы,—с их гибкой передачей энергии на далекое расстояние и делающих постепенно излишним перевозку каменного угля с юга.

ГДЕ В МОСКВЕ НАДО СОЗДАВАТЬ ЗАВОДЫ?

Велика Москва, с одного края города на другой надо пройти около 18 километров. Город разделен на 6 районов, из которых каждый больше другого

ГОРОД ПОСТОЯННО МЕНЯЕТСЯ

Дом на Мясницкой в 1926 г.

Тот же дом в 1929 г.

целого областного города. Районы города начинают спорить между собой: у кого лучше строить заводы, каждый хочет, чтобы новый завод был у него. Некоторые говорят: не все ли равно, где строить. Другие указывают на следующий интересный факт—в Москве фабрики и заводы разбросаны по всему городу, но есть районы, где они преимущественно сосредоточены.

Для наших читателей-москвичей будет интересна следующая таблица, показывающая, в каком районе, сколько всего населения и сколько рабочих (в тысячах):

Районы	Всего населения	Из них рабочих
Баумановский	275	47
Замоскворецкий	302	55
Пролетарский	261	28
В юго-вост. части	838	130
Красно-Пресненский	566	51
Сокольнический	320	26
Хамовнический	290	21
В сев.-вост. части	1176	98

Вот вам новая задача: прочитать эту таблицу и ответить—какая разница между юго-восточной частью города и северо-восточной? В какой части города больше населения? А в какой части больше рабочих?

Когда вы подумаете над этими цифрами, то вы увидите, что в юго-восточной части города сосредоточено населения меньше половины всего города (41%), а рабочих в нем больше половины всего числа рабочих города (57%).

Так и должно быть—в юго-восточной части города 454 завода и фабрик, а в северо-западной 348. Значит, в Москве сгусток индустриализации находится в юго-восточной части города.

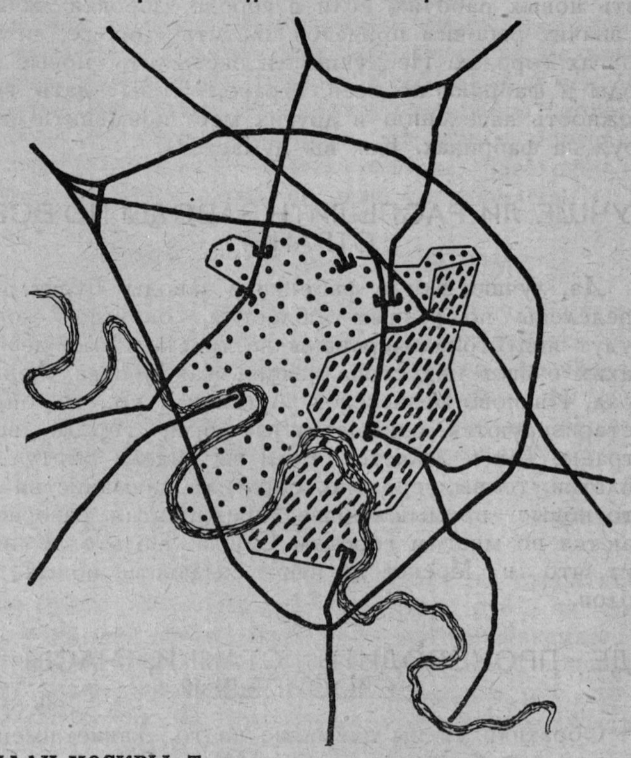
СЛУЧАЙНО ЛИ ЭТО?

Наша беседа с вами представляет как бы цепь, ряд задач. Давайте разрешим еще новую задачу: почему фабрик и заводов больше в юго-восточной части города? Вот перед вами схема карты Москвы можете ли вы ответить на наш вопрос, зная еще следующее:

1) По железным дорогам, которые идут из Москвы на юг и на восток, прибывает разных грузов в Москву—67%, т. е. больше чем 2/3 всех грузов, прибывающих в Москву, и только 1/3 грузов поступает в северо-западную часть города, и еще надо знать, что с южных и восточных товарных станций из Москвы отправляется 63%, т. е. немногим меньше 2/3 всех грузов.

2) По Москве-реке также за навигацию проходит много грузов (около 5% грузооборота жел. дорог), а где находится пристань Москвы-реки в Москве?

3) Электрические станции, от которых по проводам поступает энергия, находятся в Кашире, Шатурах и будет еще строиться большая станция в Бобриках (Тульский округ), а в какой стороне находятся эти станции?

ПЛАН МОСКВЫ. Точками отмечена юго-восточная часть, черточками — северо-восточная.

4) На случай военной опасности, где лучше строить фабрики—впереди города или позади его, как бы имея заслон, и с какой стороны военная опасность больше угрожает нашей стране?

5) Ветры в Москве дуют летом юго-западные, а зимой северо-восточные; где лучше находиться заводам, чтобы дым их проносился мимо города?

ЮНЫМ ЭКОНОМИСТАМ

Если вы сумеете обсудить эти вопросы и дать на них ответ—где лучше в Москве строить заводы, то вы дадите, как говорится, экономический анализ этого вопроса о „географии промышленности“ в городе и научитесь подходить правильно к решению и других больших экономических, хозяйственных вопросов, о которых вы много читаете в газетах.

Тем, кто живет не в Москве, мы рекомендовали бы сделать еще следующее—узнать, какие заводы и фабрики по пятилетке открываются в вашей области, и обсудить в отрядах и в школах, где, по-вашему, целесообразнее их построить и почему.

Знаете ли вы пятилетку своего города? Опишите пятилетний план города, в котором вы живете!

НА СТРАЖЕ

Из повести Б. БУХШТАБА

Рисунки П. КУЗЬМИЧЕВА

(Окончание)

ДОРОГА В МОГИЛУ

На утро Клеточников проснулся от визга и грохота отодвигаемого засова. В дверях показались рыжие усы и мясистое лицо смотрителя. За смотрителем вошли четыре жандарма. Один из них налил воды в умывальник, другой вынес ведро, третий положил на стол большой кусок хлеба.

А смотритель уставил на заключенного свои стеклянные глаза и сказал:

— Нужно одеться!

Клеточников надел штаны и куртку, просунул ноги в огромные, подбитые гвоздями башмаки и подошел к умывальнику. На умывальнике висело полотенце с тем же клеймом „А. Р.", но мыла не было.

— А мыло?—спросил Клеточников.

— В мыле тебе нет надобности,—был ответ.

Полив воды на руки и лицо, Клеточников подошел к столу.

— Два с половиной фунта хлеба,—отчеканил смотритель.—В обед щи, каша, квас. Ужин—щи. Больше ничего тебе не полагается.

Жандармы вышли, унеся лампу. Клеточников сел завтракать.

Хлеб был сырой, он вяз на зубах, как глина. Внутри первого же куска Клеточников заметил что-то белое. „Несмолотое зерно", подумал он и поднес хлеб к близоруким глазам. Это было не зерно, а червь. Стало противно, голод сразу пропал. Клеточников встал из-за стола и начал ходить по камере.

Подойдя к стене, он понял, что ночью ошибся. То, что он принял за обивку или окраску стены, была плесень. Густая, мохнатая плесень подымалась от пола сплошным слоем, точно черный бархатный ковер с зеленоватым отливом. Чем выше, тем слой плесени делался тоньше, цвет ее все бледнел, и на высоте человеческого роста стена становилась почти белой; только кое-где виднелись черно-зеленые крапинки.

Клеточников подошел к окну. Оно было сверху донизу замазано белой краской. Ничего нельзя было разглядеть сквозь него. Форточки не было; для прохода воздуха была вставлена узкая жестяная трубка с густым ситечком на конце. Но ситечко было все затянуто паутиной, и воздух не проходил. Подоконник был весь залит водой. Она тонкими струйками стекала на пол. На полу образовалась большая грязная лужа.

„Вот для чего меня помиловали!—подумал Клеточников.—Чтобы убить медленнее и мучительнее. Ну хорошо, что я больной. Мне здесь, конечно, долго не выдержать".

Он чувствовал озноб и тошноту. От холода и сырости болела голова.

В углу, налево от входа, выступала двумя сторонами в камеру большая изразцовая печь. Топки не было видно. Печь, очевидно, топилась из коридора. Заключенный подошел к печке и приложил руку. Печь была чуть теплая.

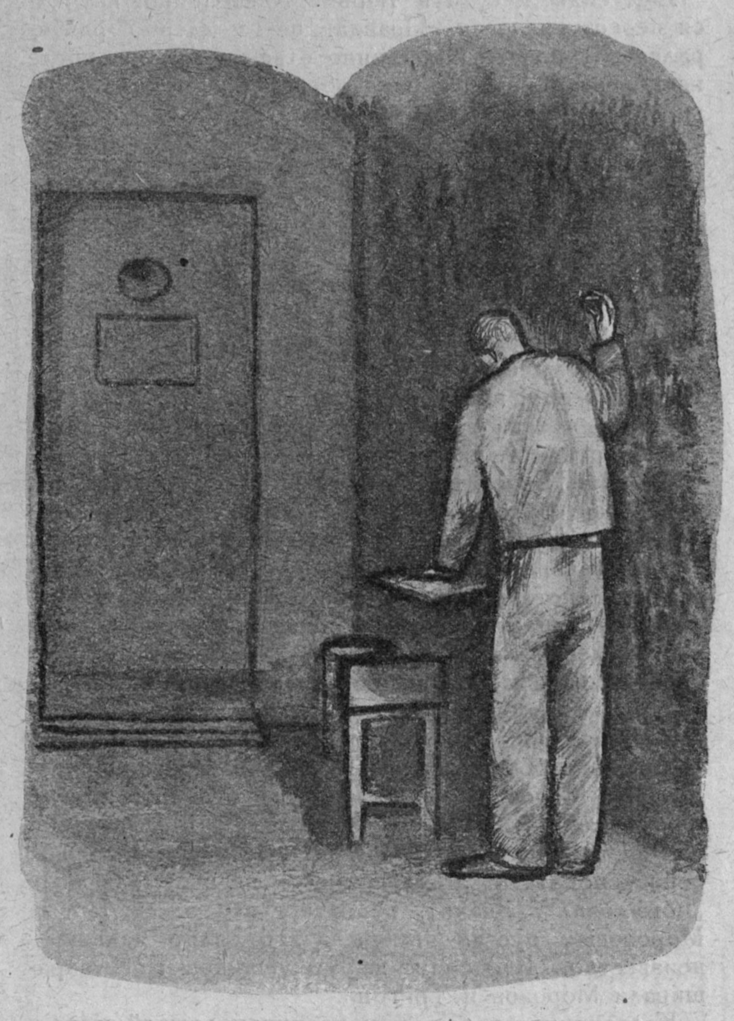
В полдень снова загремел засов, и в камере появился смотритель со своими помощниками. Один из них принес ковш квасу и вылил его в стоявшую на столе кружку, другой поставил на стол оловянную миску со щами и такую же тарелку с кашей. Третий бросил в угол тряпку и поставил швабру. Четвертый поставил на стол лампочку и положил спички. Смотритель произнес:

— Тряпку нужно держать на окне и выжимать в раковину. Подметать и мыть пол должен сам. Зажигать лампу должен сам.

Затем он протянул Клеточникову какую-то бумагу, говоря:

— Чтобы ты знал, какие здесь правила, я тебе даю правила, а вечером возьму обратно.

Когда дверь за жандармами затворилась, Клеточников развернул бумагу.

— К-л-е-т о-ч-н-и-к-о-в. А в-ы?—медленно простучал он.

«ПРАВИЛА ДЛЯ ССЫЛЬНО-КАТОРЖНЫХ, ВРЕМЕННО ОСТАВЛЕННЫХ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ»

— прочел он. Он горько усмехнулся. Он знал, что в Алексеевском равелине не остаются „временно“.

Правила состояли из запрещений и наказаний. Запрещено было все: свидания, переписка, чтение, курение, какие бы то ни было покупки за свои деньги... Наказания же начинались оковами и карцером и доходили до четырех тысяч розог.

„Не предстоят ли мне еще розги?—подумал Клеточников.—Ах, скорее бы смерть!“

Все же голод давал себя знать. Арестант попробовал кашу. Она сказалась совершенно несъедобной. Больше всего она напоминала вкусом застывший клей. Клеточников выбросил кашу в ведро и принялся за щи так называлась тепловатая вода, в которой плавало несколько кусочков испорченной капусты. Он заедал щи хлебом и запивал квасом.

Вокруг стояла мертвая тишина. В Трубецком бастионе так тихо бывало только по ночам. Ни звука. Только жужжала муха, запутавшаяся в паутине где-то на потолке. И вдруг посреди этой тишины послышался легкий, быстрый стук, вроде барабанной дроби.

Клеточников вскочил.

„Это стучат мне!—сообразил он.—Какое счастье! У меня есть сосед. Быть может, около меня близкий мне человек!“

Еще сидя до суда в тюрьме, Клеточников научился перестукиваться. Правда, он медленно разбирался в вопросах и медленно отвечал. Только после нескольких повторений разобрал он, что сосед спрашивает: „Кто вы? Кто вы?“

— К-л-е-т-о-ч-н-и-к-о-в. А в-ы?—медленно простучал он.

— Л-а-н-г-а-н-с.

Ланганс! Клеточников не знал до суда этого тихого, слабого человека, чахоточного, как и он сам. Ланганса обвинили в участии в подкопе под улицу, где должен был проехать царь. Из этого подкопа предполагали взорвать царскую карету. Ланганс был присужден к каторжным работам без срока. Значит и ему, вместо Сибири и совместной с товарищами—пускай тяжелой—жизни, предстоит одинокая смерть в Алексеевском равелине.

— Тише! Берегитесь стражи! – простучал Ланганс, и как раз в это время Клеточников заслышал легкие шаги крадущегося жандарма и отошел от стены. Чей-то глаз заглянул в дверное стеклышко, и через мгновенье стекло закрыла заслонка. Жандарм, очевидно, убедился, что все в порядке, так как больше в этот день заслонка не приподнималась. До ночи перестукивался Клеточников с Лангансом.

Ланганс сообщил, что по другую сторону от него сидит Тригони, присужденный к двадцати годам каторжных работ, а за ним—Морозов. Тригони передал, что Морозову удалось узнать о судьбе других приговоренных. Царь Александр III, недавно вступивший на престол и уже повесивший пятерых, решил показать „милосердие“ и на этот раз всех „помиловал“. Значит, вероятно, все здесь. Но за Морозовым пустая камера, а кто сидит дальше—неизвестно. „Кто сидит за Клеточниковым?“—спрашивали Морозов и Тригони.

Клеточников перешел к противоположной стене и стал выстукивать: „Кто вы? Кто вы?“ Никто не отвечал. Будь в соседней камере человек, даже не умеющий перестукиваться, он ответил бы хоть простым ударом в стену. Очевидно, камера пуста.

* * *

Клеточников чувствовал себя все хуже. Он начал харкать кровью, постоянно болела голова, по утрам он просыпался в холодном поту. Сильную боль причиняли зубы.

А тут наступил май, и, хотя в камере было так же холодно, у него отняли теплую куртку и дали легкую, летнюю, не прикрывавшую и живот.

С наступлением весны сырость стала увеличиваться. Пол стал покрываться серебряным налетом, который скоро превратился в сплошную беловатую корку. Плесень на стенах подымалась все выше, а над ней штукатурка превращалась в какой-то известковый пух. В солонке, куда бы ее ни ставили, получался рассол. Матрац прогнил совершенно.

Как-то утром смотритель вошел с толстой книгой в руках и, кладя ее на стол, сказал торжественно:

— Дается библия.

Клеточников молчал.

— На меня сердиться нечего,—внушительно сказал смотритель,—я исполняю то, что велят. Прикажут звать тебя „ваше сиятельство“—буду называть „ваше сиятельство“, а прикажут задушить своими руками—задушу своими руками.

И его толстые, короткие пальцы сделали выразительное движение. Видно было, что из двух приказов ему гораздо приятнее было бы выполнить второй.

— Вот разрешили тебе библию—я тебе даю библию,—добавил он.—Читай священное писание. Религиозность никогда не мешает.

Впервые Клеточников видел смотрителя в таком добродушном настроении. Раньше тот никогда не вступал в разговоры.

— Нельзя ли позвать врача?—попросил он в ответ на наставления смотрителя.

— А что у тебя болит?—спросил тот.

— Зубы сильно мучают.

— Зубы?—усмехнулся смотритель.—В Петербурге у всех болят зубы. Это от дурного климата. Зубы не причина звать врача.

— Я чахоточный,—сказал Клеточников.—У меня идет кровь горлом.

— Что-ж делать!—развел руками смотритель.—Чахотка—болезнь постоянная, а тут тебе не госпиталь. Сам виноват. Не нужно было так себя вести, чтоб сюда попасть!

„И зачем я обратился к этой скотине?—досадовал Клеточников на самого себя.—Чтобы получить оскорбление? Какой тут в самом деле врач? Разве не ясно, что нас решили заморить здесь как можно скорей?“

Вскоре, вставая утром с постели, Клеточников почувствовал сильную боль в колене; с трудом подняв ногу, он увидел большую опухоль под коленом. Он еще раз попробовал встать. Боль усилилась. Клеточников лег и не вставал весь день.

К вечеру смотритель заметил:

— Валяться целый день незачем. Это вредно для здоровья. Сам свое здоровье портишь.

— Я не могу встать,—пробурчал Клеточников.

— Это почему?

— Болит нога.

— Так чего-ж ты молчишь? Языка лишился?

— А на что мне говорить? Чтобы еще раз услышать, что здесь не госпиталь? Что-ж вы думаете, я не понимаю, что меня здесь гноят заживо?

Смотритель ничего не ответил, только бросил злобный взгляд на заключенного и вышел.

На другое утро явился врач. Это был худой старик в офицерской шинели. Он вошел, стуча палкой, и, не снимая фуражки, закричал:

— Что у тебя болит?

С трудом и болью заключенный вытянул ногу.

— Вот опухоль.

Доктор ткнул в опухоль пальцем, дернул заключенного за ногу и молча повернулся к нему спиной.

— Пришлите мне хоть иоду,—сказал ему Клеточников вслед.

— Объективных признаков мало: незначительное расширение сосудов. Ничего не пришлю,—отвечал врач, не оборачиваясь, и, стуча палкой, вышел из камеры.

— Надо поговорить с Лангансом,— решил Клеточников.—Может быть, я скоро уже не смогу подходить к стене.

Он с болью поднялся и дошел до стены. На его стук Ланганс отозвался стуком довольно сильным, но словно шедшим откуда-то издали:

— Лежу. Не могу встать. Стучу башмаком в пол. Цынга.

* * *

Появилась опухоль и на другой ноге. Опухоли росли и становились черно-синими. Боль в икрах была ужасная: словно кто сжимал их железными обручами. Ступни распухли. Клеточников уже не вставал с постели. С Лангансом он перестукивался лежа. Оба брали по башмаку и стучали каблуком в пол. Конечно, стучать надо было гораздо громче, чем в стену.

„Жандармы услышат,—промелькнула у Клеточникова мысль, когда он в первый раз стал стучать об пол, но тотчас же он подумал.—Ну и пусть. Что они мне сделают? В карцер посадят? А мне безразлично. Хуже не будет“.

Но Ланганс не мог стучать долго; он стал быстро уставать.

Как-то смотритель сообщил Клеточникову:

— Тебе разрешено гулять во дворе. Через день по пятнадцати минут.

— Вам надо еще издеваться надо мной?—сказал Клеточников —Вы же видите, что я не могу встать с постели.

— Все ноги болят?

Клеточников не ответил. Смотритель подошел к кровати и откинул одеяло. Он увидел два крепких, синих обрубка вместо ног.

На следующий день снова явился врач.

Он осмотрел ноги, поглядел больному в рот и вдруг засмеялся безумным старческим смехом.

— Цынга, — сказал он смотрителю. — Настоящая цынга.

— Что-ж, — обратился он к арестанту, — плохо дело. Ходить надо, главное—ходить

— Я не могу,—сказал Клеточников.—Разве, может быть, на костылях...

— Костыли только с разрешения коменданта можно дать,—сказал врач.—Пока пришлю лекарство, стакан молока будешь получать.

— Гавриил Иваныч, — тихо сказал смотритель, быстро подойдя к врачу,—номеру шестому прибавка к пище—только с разрешения коменданта.

— Ну, вот, — сказал врач,—значит, пришлю лекарство,—и, не попрощавшись, ушел.

На другое утро один из жандармов принес в камеру лекарство в огромной бутыли. По ее размерам было очевидно, что не только Клеточников и Ланганс, но весь равелин повально болен цынгой. Другой жандарм раскрыл лежавшую на столе библию, положил ее на кровать и высыпал на нее порошок из бумажки.

— Нужно слизнуть,— сказал смотритель, указывая пальцем на библию.

Больной слизнул.

— А молоко? — спросил он.

— Какое еще молоко? Никакого молока тебе не полагается.

О костылях не было и речи.

Клеточников решил заморить себя голодом.

Но у него не было уже сил встать и выбросить обед в ведро, и смотритель вскоре понял его намерение.

— Ешь, а то велю кормить насильно!—кричал он.

Клеточников проглатывал несколько ложек, и смотритель уходил. Заключенный тотчас же переставал есть.

— Нужно слизнуть,—сказал смотритель, указывая пальцем на библию.

* * *

В музее Революции в Ленинграде хранится пожелтелая толстая книга. „Книга для записывания смен постов караула в Алексеевском равелине“— написано на обложке. Здесь под 13-м июля 1883 года можно прочесть запись:

Время прибытия	Личность	Время выбытия
	Выбыл арестант из № 6 умершим	В 11 ч. 15 м. веч.

Двое из семерых смельчаков—механик и радист.

НА ЗЕМЛЮ ФРАНЦА-ИОСИФА

Очерк участника экспедиции
Б. ГРОМОВА

Далеко на крайнем Севере, почти у самого полюса, в тысячах километров от города Архангельска, среди необозримых ледяных полей, в стране жестоких буранов и вечной стужи, расположены угрюмые, неприветливые берега необитаемой земли Франца-Иосифа. Уже много лет люди пытаются достигнуть этих берегов, чтоб их исследовать и изучить.

Но редко-редко кому это удавалось сделать. Суровая природа Арктики ставила непреодолимые препятствия. Корабли, на которых плыли отважные путешественники, разбивало об лед или сковывало крепкими ледяными цепями, заставляя людей проводить тяжелую, полную лишений, а порою и голода, полярную зиму.

Опасности и риск все же не останавливали энтузиастов-исследователей. Все чаще и чаще делались попытки пробраться к столь желанным берегам. И вот в середине прошлого столетия два австрийских полярных путешественника Пайер и Вейпрехт дошли до земли и назвали ее именем старого императора, никогда не имевшего никакого отношения к Арктике.

Но уже на обратном пути к материку их постигло несчастье. Коварные льды в щепы раздробили деревянный корабль, так что всему персоналу судна пришлось пешком пробираться к берегам Сибири. Случайно в ледяной пустыне их обнаружил русский рыбак-помор Федор Воронин, который их спас и доставил в Архангельск.

Но и это несчастье, едва не стоившее жизни десяткам отважных мореплавателей, не остановило других исследователей Арктики.

Через много лет после австрийцев к земле Франца-Иосифа пробрались итальянцы, затем американцы, а в 1914 году землю посетил русский полярный исследователь Георгий Седов и вместе с ним герой прошлогоднего похода ледокола „Малыгина“ на поиски Нобиле профессор Владимир Юльевич Визе.

Что привлекает людей к Арктике? Чем манит отважных исследователей эта неприветливая, угрюмая страна? На этот вопрос хорошо ответил крупнейший мировой полярный ученый проф. Визе.

— Погода делается на севере,—заявил он.—Зная, какие изменения в атмосфере происходят в арктических странах, не трудно будет предсказать погоду и для СССР, ибо она в значительной степени зависит от состояния погоды на севере.

Профессор Визе рассказывает еще и другое. Американцы благодаря широкой сети хорошо налаженных метеорологических станций, следящих за погодой, ежегодно экономят 200 млн. рублей.

Для Советского Союза—страны сельскохозяйственной, изучение атмосферы поэтому является задачей первой важности.

Ведь, если мы будем знать, что, например, в этом году лето будет засушливое—мы всегда сможем подготовиться: засеять поля сухостойкими, не поддающимися засухе, семенами и т. д.

Вот поэтому-то постановлением Совнаркома СССР в июле этого года в Архангельске снарядилась большая правительственная экспедиция на землю Франца-Иосифа.

Начальником экспедиции был назначен О. Ю. Шмидт, его помощником проф. Визе, а командиром ледокола „Красин“—Самойлович.

* * *

Уже целую неделю грузится ледокол „Седов“, получивший свое название в честь полярного исследователя Георгия Седова. Широкие ненасытные пасти трюмов (нижних помещений ледокола) с жадностью проглатывают многочисленные ящики с консервами, продовольствием, мешки с мукой, бочки керосина и чистенькие терпко пахнущие доски и бревна.

Старший штурман Юрий Хлебников, лихо надвинув морскую фуражку с блестящим значком Совторгфлота на затылок, сосредоточенно делает перепись погружаемой клажи.

Мы сидели в уютной, опрятной, блещущей белоснежной скатертью кают-компании (столовой на ледоколе) и через маленький круглый иллюминатор (окошко), следим, как заканчивается погрузка кирпича из пригнездившихся к борту „Седова“ шаланд.

Привели собак—тринадцать остроносых мохнатых умных самоедских лаек, которые специально предназначены для упряжки в сани.

Замечательные псы. Они так заглядывают вам в глаза, как-будто бы хотят разгадать ваши мысли.

С первого же дня начались отчаянные драки. Шерсть кусками летела по ветру. Дрались свирепо, жестоко, причем на слабейших налетала вся стая, так что матросам то-и-дело приходилось спасать их от смерти.

Я удивлялся—почему их не рассадят по разным углам на цепи.

— Ничего,—заявляли старые полярники,—подраться собакам необходимо. Сейчас они выясняют самый важный для них вопрос—кто самый сильный. Сейчас должен определиться будущий вожак всей стаи. А вожак—это первый помощник человека, так сказать, его заместитель по собачей команде.

Оказывается, действительно, во время езды на собаках вожак сам следит за тем, чтобы все собаки тянули сани, чтоб не было лодырей, не работающих, а только делающих вид, что работают.

Здорово достается лентяю. Во-первых, его во время самой езды раза два тяпнет за бок или шею вожак, а потом когда собак распрягут, вся стая на него набрасывается и задает здоровую взбучку.

В течение нескольких дней продолжались жестокие драки. И лишь перед самым выходом „Седова" в море—определились двое сильнейших: два черных крепких здоровых пса „Мишка" и „Юшар"—первый молодой, веселый, второй—старый, опытный, умный и очень ласковый.

Мы думали, что между ними произойдет генеральное сражение, но этого так и не случилось. Сверх ожидания они, вдруг, неожиданно почувствовали друг к другу большую симпатию и поделили первенство поровну.

С тех пор их всегда можно было видеть вместе. Вместе обедали, вместе дрались и уж, конечно, заступались друг за друга.

* * *

Начальник экспедиции О. Ю. Шмидт получил задание от правительства—достигнуть земли Франца-Иосифа, построить там радиостанцию, метеорологическую станцию и оставить в ней жить семейных зимовщиков.

Семь смельчаков решились провести долгую полярную зиму вдали от семей, от культуры, вдали от родины, где клокочет, бурлит в бешеном темпе новая жизнь.

128 дней в полной темноте им придется провести среди жестоких морозов, буранов, вьюг, среди необъятной ледяной пустыни, где за тысячи километров вокруг нельзя встретить ни одной живой души.

Минимум год им придется пробыть в Арктике. А кто знает сумеет ли в будущем году ледокол пробраться за ними, чтобы отвести обратно в СССР. Возможно тяжелые льды превратятся в упругую ледяную крепость, которую не пробьет стальной нос ледокола, и тогда нашим героям предстоит вторично зимовать, вторично переносить одиночество и лишения.

Вот имена семерых смельчаков, имена которых должен знать каждый гражданин, каждый пионер республики. Начальником земли Франца-Иосифа был назначен Илляшевич—старый полярник, два года зимовавший на Новой Земле, расположенной в Северном ледовитом океане. Однажды диким штормом снесло в море весь запас топлива, так что всю тяжелую полярную зиму они провели в ужасающих условиях.

Метеорологом послали молодого ученого Шашковского, также зимовавшего на Новой Земле. Врачом поехал доктор Георгиевский, который в своем лице будет представлять самую северную коммунистическую ячейку в мире. Поваром поехал—Знахарев, служителем при собаках Алексин и механиком-мотористом для обслуживания радиодвигателя—Муров.

Особым почетом пользуется Наркомпочтель Земли Франца-Иосифа веселый, жизнерадостный радист Кренкель, также много раз проводивший зимовку на крайнем Севере.

Это он будет в долгую полярную ночь в маленькой комнатушке у радиоаппарата жадно ловить обрывки новостей с далекой родины. Это он будет твердой рукой, уверенно выстукивать загадочные „точки", „тире", которые потом здесь в СССР превратятся в широкую информацию об их жизни, успехах и достижениях.

Вполне понятно, что советское правительство отправляя их на зимовку, примет все меры к предоставлению им максимальных удобств и возможного комфорта.

Мы погрузили на ледокол бревна для будущего вместительного дома на 13 комнат, лесоматериал для бани, кладовой. Зимовщикам передали 4000 томов книг, на 3 года продуктов, масса теплого белья, специальной полярной одежды, много игр, граммофон, баллалайки, фотографические аппараты и т. д.

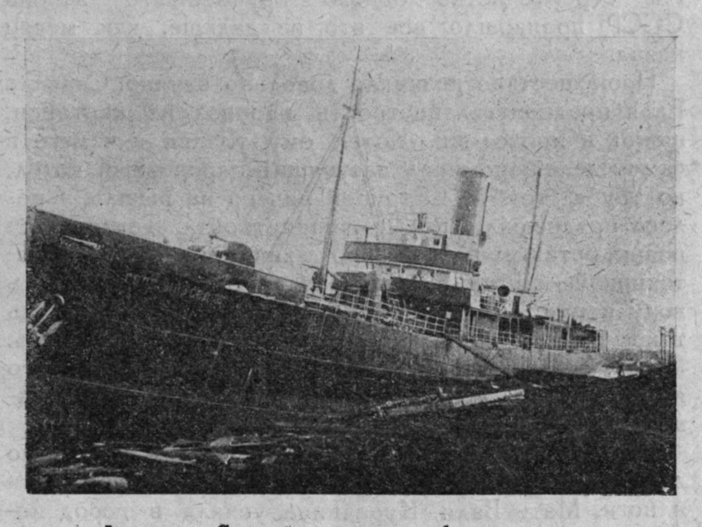
Вот на этом кончается подготовка к героическому походу „Седова" во льды.

Лед треснул под напором ледокола.

Р. Самойлович, О. Шмидт, проф. Визе и зимовщики.

Ледокол „Седов" грузится в Архангельске.

Валя Курочкин

Очерк НИК. ПОГОДИНА
Рисунки Н. КУЗЬМИЧЕВА

Имя, как видите, красивое и привлекательное—Валя. А фамилия—никуда, чуть-чуть смешная, больше того: нехорошая фамилия—Курочкин. Но попробуйте немного разобраться в таком сочетании имени и фамилии и вы догадаетесь, что отец героя этой были—человек простого рода и, вероятно, крестьянского, что родословную свою он ведет от крепостного человека, ведавшего когда-то птицей на господском дворе и получившего первое прозвище—Курочкин.

И дальше...

Валя рожден после революции и, по всей видимости, попом крещен не был, почему и имя получил то, какое понравилось его родителям... и имейте в виду, что все чрезвычайно важно.

Валя Курочкин—сын революции, человек будущего и один из таких героев, каких редко встретишь, а встретившись—поразишься.

По-моему Вале 10 лет. Для 12-ти он еще слишком молод, потому что носит совершенно короткие и сатиновые штаны во всякое время года, играет в коня и удивляется великому множеству таких вещей, мимо которых наши пионеры проходят не моргнувши глазом. Валя—октябренок, смена пионерам... но какая смена!

Я не могу вам назвать места истории, по причинам, которые было бы трудно и длинно объяснять... На строительстве одного крупнейшего завода СССР произошло все это не дальше, как месяц назад.

Происшествие возникло довольно скучно. Сначала Валя предполагал построить паровоз из картонки, щепок и проволоки. Котел ему удался и чем-то в самом деле напоминал настоящий паровозный котел, но труба труба... С трубой ничего не вышло, а колеса предвещали целые неприятности. Тогда Валя решил оставить паровозную технику и занялся гидротехникой—он придумал вырыть реку, перепрудить воду и придумал потом еще придумать что-нибудь такое замечательное, чтобы до ночи торжествовать.

Так, среди щепок, каменного щебня и желтого янтарного песка, Валя организовывал свои грандиозные дела, никому не мешая делать свои дела.

Жаркий был день. Не только песок и камни, но даже щепки, лежавшие вокруг горами, обжигали руки и ноги. Мать Вали Курочкина уехала в город покупать ситец и дыни. Отец—арматурщик, работал где-то здесь, за временными рабочими бараками, но где—Валя не знал. Пять тысяч рабочих захватили огромную площадь земли и возводили на земле такие большие сооружения, какие даже взрослым людям редко доводилось видеть.

От солнца, от пыли, от собственных неудач и одиночества Вале захотелось спать. И он бы наверное отправился домой, если бы... видите ли как было дело. За колючей проволочной изгородью, отделявшей рабочие бараки и конторы строительства от пустого степного пространства, разгуливает какой-то чужой человек и глядит и все глядит—понимаете ли—на Валю.

Интересно, может быть, этот человек в кепке, надвинутой на самый нос какой-нибудь жулик? Жулики бывают не только ночные, но и дневные. Вчера, например, у тетки Глафиры дневные жулики украли простыни с веревок.

Смотрит... Подходит к проволоке и одним пальцем манит к себе Валю. Вот, ведь, какое дело—итти или не итти? Вале не о чем разговаривать с чужим мужчиной, тем более, что он не нравится Вале. Бывают такие неприятные люди. У незнакомца лицо серое, худое, а глаз его почти не видно. Нет, зови-не зови, Валя не пойдет с тобой разговаривать. Наоборот, Валя отвернулся от человека, стоявшего за проволокой, а потом юркнул за пустой ящик и сел в тени, чтобы тихонько наблюдать за незнакомцем

С великим удовольствием Валя увидел, что человек за проволокой скривил свое серое лицо и должно быть шопотом выругался. Ладно. Ругайся. Будем ждать, что произойдет дальше. Обязательно этот захочет что-нибудь украсть и как только он захочет, тут Валя выскочит и крикнет басом:

— Куда?!

Но странный какой-то этот вор... Ходит и ничего не ворует, а лишь ходит и смотрит. Вот он кого-то заметил... кого же?.. Валя не видит кого. Стой... Это Андрюшка—мальчишка из пятого барака, сын плотника. Его отец привез с собой из деревни. Очень туп, может быть, даже глуп этот Андрюшка Ругается, дерется палками и молчит, выпучив глаза.

Валя не верит глазам своим... Смотрите, что это такое делается на свете. Человек из-за проволоки дает серебряные деньги Андрюшке и еще что-то...

Ну, да это спички. Коробка спичек. Зачем деньги? Зачем спички? Что за загадка? Ничего не может понять Валя. Позвать бы кого-нибудь, рассказать бы?.. А кругом никого нет.

Андрюшка присел около щепок.., ну теперь-то Валя совершенно ясно видит, что Андрюшка зажег щепу. Горячая сухая щепа моментально вспыхивает. Валя вскакивает из-за своего ящика и хочет что-то крикнуть и не знает таких слов, какие говорят люди в минуту подобных дел. Человек еще стоит за проволокой и пристально глядит на огонь, который пылает теперь огромным костром. Он что-то говорит Андрюшке, но тот уже бросил спички в огонь и бежит между бараками. Тогда человек обернулся, увидел Валю, зачем-то поднял руку и вдруг, почти бегом, пошел прочь—в степь, к Волге.

* * *

Когда все это происходило, мы мирно разговаривали с комендантом строительства о разных разностях. В комнату к нам вбежала женщина и прошептала.

— Пожар.

Комендант спокойно спросил.

— Где загорелось?

— Около самой технической конторы вспыхнули щепки.

Мы пошли к огню. Щепки горели в двадцати шагах от того помещения, где находились мы. Жены рабочих с удивительной бодростью заливали огонь из ведер и кастрюль и делали это очень организованно. Они не давали огню захватить угол досчатого барака и деревянную стену конторы. Нам сообщил помощник коменданта, что он уже позвонил в пожарное депо... но пожарные уже вызваны кем-то. Они уехали. Наверно сюда.

Вот тут-то и увидали мы мальчика с белой головой, который подошел к нам и тихо сказал:

— Я все видел.

— Как тебя зовут?—спросил комендант.

— Валя Курочкин.

Комендант отвел Валю в тень, вынул блок-нот и стал записывать все его сообщения, о чем нам уже известно. Валя так подробно и толково рассказал нам все, что мы сразу убедились что здесь был поджог, злостный контр-революционный поджог.

— Я сразу подумал...—сказал малец строго.

— Что же ты подумал?

— Что он враг.

Сухая щепа вспыхивает.

— Вон как...

— Ну, да... вы не думайте, будто я как маленький, так и ничего не понимаю. Только я его поймать не мог, он бы ударил меня кулаком и я бы покатился. А вы его арестуйте.

А пожарных не было. Собственно, их помощи уже не требовалось. Женщины ведрами и кастрюлями залили главный очаг пламени, тут подоспела партия землекопов. Они просто сырым песком затушили огонь. Через 8 минут явились пожарные машины. Начальник развел руками.

— Вы понимаете, нас кто-то направил по ложному адресу. Нам позвонили и сказали, что загорелся лесной склад.

Все было ясно. Валя Курочкин был совершенно прав. Если бы не он, то, может быть, какие-нибудь контрреволюционные преступники сумели бы еще раз и с большим успехом пустить красного петуха по строительству. А теперь они уже этого не сделают...

Вот каков он, октябренок Валя Курочкин—сын рабочего-арматурщика.

Журнал „ПИОНЕР“ посылает второго специального корреспондента

Писатель Алексей Венедиктович Кожевников специальный корреспондент журнала „ПИОНЕР“

А. Кожевников едет на строительство Туркестано-Сибирской железной дороги.

Мы ждем очерков о **ТУРКСИБЕ**

СТО МЕТРОВ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Письмо четвертое нашего специального корреспондента Е. ХАЗИНА.

Под остроконечной высокой шапкой временного копра тихо и пустовато. Оба люка в шахту плотно закрыты. На ведущих к ним рельсах стоит в ожидании вагонетка. Опершись на нее, тихо беседуют трое рабочих. Высоко над левым люком на массивных цепях покачивается бадья— чугунная бочка, суженная с обоих концов. Во вторую бадью в шахте наваливают куски вынутой породы. Когда придет время поднимать ее, тот же трос спустит висящую теперь без дела вторую бадью.

Рабочий налаживает пневматический молот.

За перилами помоста над люком восседает тощий немец, бесстрастный и неподвижный; его рука лежит на рычаге, приводящем в движение лебедку.

На стене прибита доска. Слева по-немецки, справа по-русски написано:

Звонки	Сигналы
1	Стоп
2	Вверх
2	Вниз
+2	Тихий ход вверх
1+3	Тихий ход вниз
4	Приготовиться. Люди в бадье и т. д

до звучащих только в минуту опасности:

9	Насос
10	Тревога

Из-под земли доносится гулкий удар гонга. Один... за ним второй. Немец дает движенье лебедке. Рабочий открывает левый люк; бадья ползет вниз. Люк закрывается; второй откидывается. Из глубины выползает неуклюжая черная масса — бадья. На уровне перил она останавливается. Немец прицепляет к одному боку крюк. Удар гонга, лебедка отдает цепь, и бадья переворачивается над вагонеткой, с грохотом выбрасывая куски выбранной из шахты породы.

За час из шахты поднимают 10—11 бадей.

За открытым люком разверзается ствол шахты. В диаметре он имеет $5^1/_2$ метров. В тусклом свете расставленных далеко одна от другой лампочек поблескивает гладь забетонированной стены. Глубже четко вырисовываются черные круги, как нарезы в орудийном стволе. Нарезной ствол все сужается и тонет в черной бездне.

Это шахта № 1.

В шахте № 1 два года уже идет страшная и нечеловеческая борьба со стихией.

Ее заложили 15 октября 1927 г. среди лесной чащи в двух километрах от Соликамска. Проходку начали без всякого опыта работы в таком опасном водоносном грунте. Лежащие на 100 метров вглубь глинистые породы тверды, но они легко поддаются действию обильных почвенных вод, трескаются и дают свободный проток водам. В течение двух лет эти воды размывали стены шахты, ежеминутно грозя вызвать обвал, который погребет и шахтеров и самую шахту.

Приток увеличивался с каждым пройденным метром. Сперва он не превышал 200—300 ведер в час. С 15-метровой глубины он все рос, перешел через 1 000, 2 000, 3 000... На глубине 60 метров он достиг $5^1/_2$ тысяч ведер в час.

Из бесчисленных трещин непрерывно хлестали тонкие струйки воды. Вода сочилась со всех сторон. Для откачки ее рудник сперва имел лишь два немало поработавших на своем веку стареньких насоса. Приспособленный в помощь им станок „Кийстон“ хрипел и надрывался. Когда они выходили из строя, работа останавливалась. Лишь впоследствии удалось спустить в шахту трубы мощного подвесного насоса.

На одном участке 4 метра проходили целый месяц. Ползучие глины так распирали ствол шахты, что перекосили его.

Рабочие перед спуском в шахту сумрачно поглядывали в черную яму. У них не было даже настоящей спецодежды; их брезентовые костюмы вымокли до ниточки. И все же, промокшие, в зимнюю стужу, под непрестанной угрозой обвала, шахтеры день и ночь вгрызались в недра своими лопатами и сройками. За два года почти целиком сменился весь состав рабочих: одни не выдерживали и убегали, другие приходили им на смену. Из начавших проходку сейчас осталось лишь несколько человек.

11 мая 1928 года весь рудник подняли сыпавшиеся один за другим удары гонга.

— Тревога.

Из шахты донесся глухой гул обвала.

Несколько минут прошло в томительном ожидании. Наконец, в люке появились две руки, судорожно цеплявшиеся о ступени лестницы, и смертельно бледное лицо первого, выбравшегося из

Общий вид соликамских разработок.

шахты рабочего. Вслед за ним выползла по лестнице вся смена.

Люди спаслись. Но работа надолго застопорилась. Во избежание дальнейшего обвала, шахту засыпали до горизонта 38 метров и потом проходили их вторично.

Потом пошли дальше. Стали прощупывать почву бурами. И тут выяснилось, что на глубине 100 метров кончались водоносные глины и начинались крепкие и менее опасные пласты каменной соли. Только бы дойти до них и укрепиться—тогда самое страшное останется позади.

Но бурение открыло новую опасность: обильные воды над соленосными породами. С ними боролись уже с помощью приехавших к тому времени немецких инженеров и рабочих от фирмы, с которой трест заключил договор о технической помощи.

Для борьбы с надсоленосными водами на глубине в 90 метров заложили бетонную „подушку" и через нее под сильным давлением впрыснули крепкую дозу цемента: около 9 тысяч бочек.

Немцы приехали спокойные, уверенные, вооруженные давнишним опытом в проходке таких опасных шахт. Рабочие недоверчиво прислушивались к их непонятной речи и присматривались к размеренным, неторопливым движениям. Друг друга никак не могли понять и раздражались. Если немец просил передать ему кайло, русский протягивал шахтерскую лампочку.

— Donner Wetter!—громыхал немец.

— Чтоб тебя чорт взял с твоим лопотанием,—раздражался русский.

Потом нашелся парень, побывавший в немецком плену и вынесший оттуда некоторое знание немецкого языка. Он стал переводчиком.

Так началось сближение. Немец стал понимать, что русский работает не 8, а 6 часов, что у него каждую неделю есть выходной день, что в СССР рабочий—хозяин страны, а не наемная сила, которую когда угодно можно выбросить из производства; а русский без труда обнаружил, насколько больше немец знает и умеет. Немец стал искать у своего соседа политического, русский—производственного опыта.

Немец и русский заработали рука об руку. После долгого периода взаимного недоверия и даже озлобления в глубине шахты зазвучало всем понятное слово:

— Товарищ.

Немцы и русские с одинаковым усердием рвались к соли. Весь рудник жил одной мыслью: скорей бы „войти в соль".

Когда подошли к ней вплотную, весь рудник лихорадил. Работали не покладая рук. Прогулов не стало. Бадья поднималась из шахты до 15 раз в час.

В субботу, 14 сент., углубщики достигли 98,7 метра. „Вхождения в соль" ожидали с часу на час.

Когда я, приехав в этот день на рудник, попросил разрешения спуститься в шахту, директор с негодованием блеснул на меня стеклами своих круглых очков. На его усталом, потном лице выступила частая сетка багрово-красных жилок.

— Ни за что...

Это было сказано так решительно, что не допускало никаких возражений.

Директор рудника был прав: при том напряженном состоянии, в каком находились все в шахте, бесполезный наблюдатель только отвлек бы и разозлил рабочих.

15-го сентября в 5 часов дня гулко и победно прозвучали два удара гонга. Из люка выползла поднятая бадья, перевернулась.. Среди кусков глины и цемента блеснули первые куски каменной соли.

— Вошли в соль,—крикнул кто-то из собравшихся у копра.

Весть мигом облетела весь рудник. На вышке копра взвился красный флаг.

Рудник праздновал свои именины.

Сетка красных жилок поблекла на щеках директора.

— Если хотите, вы можете завтра спуститься в шахту.

Я пришел к спуску дневной смены.

У копра уже стояло трое рабочих. На них были широкие темнокоричневые штаны и куртки из блестящей резины, на головах—резиновые широкополые шляпы, как у разбойников в старых романах.

Меня повели в раздевалку. Я вышел оттуда преображенный, путаясь в шуршащей на ходу резиновой одежде и высоких, выше колен, шахтерских сапогах.

Вниз спускаются в бадье. В ней помещаются три человека, тесно прижавшись один к другому.

Четыре удара гонга—приготовься. Люди в бадье.

Бадья падает в пропасть. Она то летит вниз, так что в ушах звенит, то замедляет ход, почти останавливается и снова безудержно падает.

В шахте сразу обдает сыростью подземелья. Вдоль блестящих бетонных стен тянутся три трубы подвесного насоса. На 18-м метре мелькает первое черное кольцо тюббинга. Дальше тьма. И сразу сильный свет внизу.

Бадья замедляет ход. Стоп.

Дно шахты и стенки метра на два до последнего уложенного тюббинга чуть искрятся от взрыхленных пластов каменной соли. Влажный туман густо заволакивает подземное солнце—сильную электрическую лампу. Резина одежды покрывается холодной испариной.

Один из спустившихся раньше рабочих налаживает тяжелый пневматический молот. Он ставит острие на выступающую глыбу породы и изо всех сил налегает на ручку молота. Оглушительный, дребезжащий треск с силой ударяет в барабанную перепонку. Из-под молота летят осколки. Плоскими пластинами и бесформенными крупными обгрызками откалываются куски породы.

За первым молотом начинают работать остальные. Истерическое биение молотов хлещет в каком-то исступлении. Согнувшиеся над молотами резиновые люди как-будто ничего не слышат.

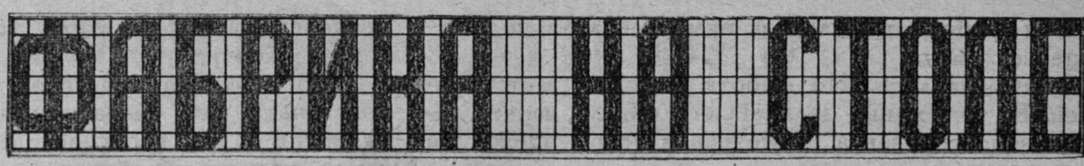
В нескольких местах из стены пробиваются струйки воды. На это никто не обращает внимания: приток не достигает и нескольких сот ведер в час.

Но вот бадья, трижды подняв грязные обгрызки каменной соли, снова спускается вниз. Теперь очередь людей.

Я снова стою в бадье, сжатый между чугунной стенкой и своими спутниками.

Бадья взлетает наверх. Светлеет... Все больше светлеет. Пройден люк. И полумрак копры радостно ослепляет, как полуденное солнце.

Соликамск, 17 сентября

ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ ЦЕХ

Мастер—тов. Калашников

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ ДОМА *(Продолжение)*

СМОТРИ В ОБА

Чертеж 5.

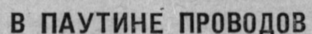
Затем осторожно, не попадая на цинковую пластину, на дно сосуда опустим 15—25 граммов железного зеленого купороса. Железный купорос через несколько минут растворится и осядет на дно сосуда, покрыв железную пластину.

Но может случиться одна неприятность, что железный купорос долго не будет осаждаться на дно сосуда и будет доходить до цинка.

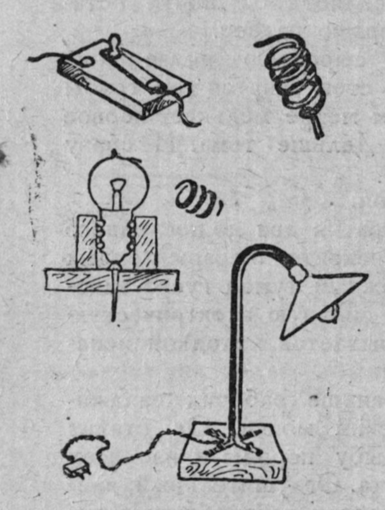
А в таком случае поступим так. Возьмем проволоку, отходящую от железной пластины, соединим с проволокой от цинковой пластины, как говорят „накоротко" и оставим их так соединенными на некоторое время. Раствор купороса осядет на дно, не касаясь цинковой пластины. Во время работы элемента железный купорос будет расходоваться, и его время от времени нужно добавлять в элементы. Железный купорос нужно опускать на дно с большой осторожностью, не касаясь цинковой пластины и не взбалтывая жидкости.

Но нам одного элемента мало. Один элемент дает один вольт, а нам нужно четыре, т. к. лампочки для карманного фонаря нормально горят при четырех вольтах. Тогда возьмем четыре элемента Томсона и составим из них батарею, которая и будет нам давать четыре вольта.

Все четыре элемента, составляющие батарею, соединяем друг с другом последовательно. Последовательное соединение получим, если цинковую пластину первого элемента соединим с железной пластиной второго, цинковую пластину второго с железной пластинкой, третьего элемента и т. д. (черт. 5). После соединения должны быть свободными от первого элемента железная пластина (положительный полюс +), а от четвертого—цинковая пластина (отрицательный полюс —). От пыли прикроем батарею крышкой из картона.

В ПАУТИНЕ ПРОВОДОВ

Чертежи 6—10.

Поведем от нашей станции провода, питающие лампочки. Возникает вопрос: какие нам вести провода? Ведь, если поведем голые, то весь ток, который выработает наша „станция", уйдет в землю. Придется вести изолированные провода. Всего удобнее взять шнур, сплетенный из двух жил. Если нет шнура, поведем нашу проводку звонковым изолированным проводом.

Возникает и еще один вопрос. Из какого же металла следует взять проволоку? Из меди или из железа? Будем вести медную проволоку потому, что она обладает малым электрическим сопротивлением и проходящий по ней электрический ток не так ослабевает, как при прохождении его по железной проволоке. Провода уложим на фарфоровые ролики. Ролики будем ставить друг от друга на расстоянии метра. Ролики к стене привертываются шурупами. Нам нужно наши провода провести и через стены, поэтому просверлим в стене „сквозняк" и в резиновой (эбонитовой) трубке через стену проведем провода. Случится так, что провода нужно соединить, или от них сделать ответвление. Скрутим их, как показано на черт. 6. Только запомним, что перед соединением нужно очистить соединяемые провода от грязи как можно лучше. Место соединения хорошо скрутим и пропаяем. Это голое без изоляции место проводов, как говорят „пайку", обернем (изолируем) изолированной лентой. Запомним, что все соединения между проводами делают на роликах, а не между ними. Все провода подведем к лампам, выключателям и т. д.

РАБОТА ИДЕТ К КОНЦУ

Выключатель (прибор, помощью которого будем гасить и зажигать лампы) сделаем самый простой из полоски жести. Устройство выключателя ясно видно из черт. 7.

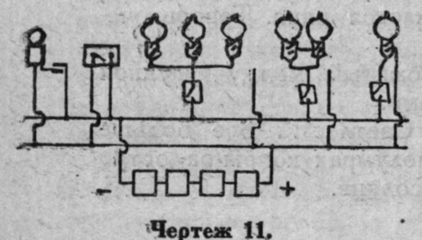
Выключатель поставим на высоте человеческого роста и у двери с правой стороны.

Штепсель сделаем еще проще. Возьмем деревянный брусочек и просверлим две дыры, диаметром в 5 *мм.* В просверленные отверстия вставим гнезда, которые изготовим из голой звонковой проволоки, намотанной по гвоздю. Гнездо показано на черт. 8. Вилку тоже сделаем из деревянного брусочка. Штыки вилки сделаем из гвоздей, к шляпке которых припаяем провода, идущие к настольной лампе. Изготовить патрон для лампочки—дело не трудное. На цоколь лампочки навернем кусок медной голой проволоки, конец которой соединим с одним полюсом батареи. Пяточка лампочки должна касаться гвоздя, вбитого в круглую дощечку, служащую основанием патрона. К гвоздю припаиваем провод, который и соединяем с другим полюсом батареи. Чтобы патрон был прочнее, наденем на него цилиндр из пробки, приклеенной к дощечке. Устройство патрона показано на черт. 9.

Настольную лампу тоже не трудно сделать. Одна из таких ламп и показана на черт. 10.

Для того, чтобы от нашего освещения было светло, мы берем не одну лампочку, а по несколько (по две и три лампочки). Люстру для трех ламп легко сделать. Стоит взять медную трубку, в которой и поведем провода к лампам люстры, и на конце прикрепим треугольник из дерева, к которому и прикрепим патроны.

Лампочки во всей нашей проводке включим „параллельно". Все схемы включений ламп, выключателей и т. д. ясно видны из чертежа 11.

Чертеж 11.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Назови, какие ты еще знаешь системы элементов (батарей) и как они устроены?
2. Знаешь ли ты, кто первый устроил батарею?
3. Получают ли электрический ток от элементов Томсона на больших электростанциях?
4. Знаешь ли ты, как еще можно получить электрический ток?

ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ ЦЕХ

Мастер—тов. Бунимович

КАК УСТРОИТЬ ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ АППАРАТ

Каждый из вас, наверное, не раз видел фотографический аппарат. Если вы не видели его у ваших товарищей фотолюбителей, то уж, наверно, бывали у фотографа, снимались и видели у него его большой аппарат, поставленный на специальный треножник. Если вы видели всего лишь один аппарат, то не подумайте, что все аппараты такие же. Есть очень много всяких аппаратов, и они часто совсем не похожи с виду друг на друга. Бывают складные аппараты, похожие на гармошку, бывают аппараты совсем как коробочка, так что сразу не догадаешься, что это фотоаппарат; бывают аппараты, похожие на бинокль, а бывают и такие, как обыкновенные карманные часы.

Кроме того, аппараты бывают очень большие и очень маленькие. Большие аппараты иногда достигают человеческого роста. Такие огромные аппараты, конечно, носить с собой нельзя,—они устанавливаются на специальных больших столах, и одному человеку будет не подсилу поднять такой аппарат. Эти аппараты употребляются в цинкографиях, где делаются клише для журналов и газет.

Маленькие же аппараты иногда бывают такие, что их можно легко упрятать в жилетный карманчик. Эти аппараты по величине немного больше спичечной коробки (см. рис. 1). Однако, несмотря на то, что встречаются так много различных по форме и величине аппаратов, все они построены по одному закону. В каждом аппарате, какой бы он ни был формы и величины, обязательно должны быть следующие части:

1. Совершенно закрытая коробочка без всяких даже самых маленьких дырочек или щелей, через которые смог бы проникнуть свет.

2. Место для помещения фотографической пластинки, на которой производится съемка.

3. Объектив—то самое увеличительное стеклышко, о котором мы писали в прошлой беседе, и вам он уже должен быть хорошо знаком.

Эти три части всегда и во всех аппаратах расположены одинаково, а именно: в передней стенке коробочки есть дырочка, в которой помещается объектив, а на противоположной стенке устроено место для пластинки. Таким образом, во всяком аппарате пластинка всегда должна быть прямо против объектива. Такой простой аппарат, состоящий из этих трех частей и не имеющий больше никаких приспособлений, показан в разрезе на рис. 2. Конечно, такой аппарат очень неудобен и будет работать неважно, так как у него очень простой объектив, но если нет другого аппарата, то можно снимать и таким. Такой аппарат очень легко сделать самому. Только нельзя делать этот аппарат без всякого расчета, и каждому, кто вздумает сделать себе такой аппарат, мы советуем прочесть статью по этому вопросу в журнале «Знание—Сила» № 4 за 1929 г. Весь расход на постройку аппарата будет не больше 50—60 коп.

Чтобы сделать аппарат удобнее, его стали делать складным, заменив стенки коробочки складным мехом, напоминающим гармошку. Складной мех делают из кожи и так, что в нем не остается никаких дырочек. Аппарат принял уже вид не ящичка, а складной гармошки. На время съемки аппарат раздвигают, а после складывают, и аппарат становится таким маленьким, что его можно спрятать в кармане. На рис. 3 слева показан ящичный аппарат, а справа—складной в растянутом виде.

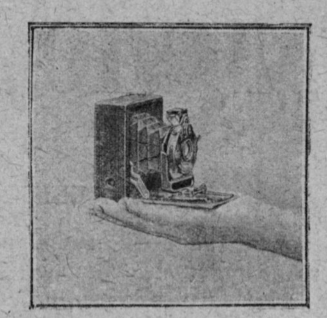

Рис. 1.

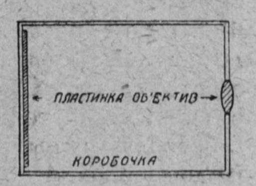

Рис. 2.

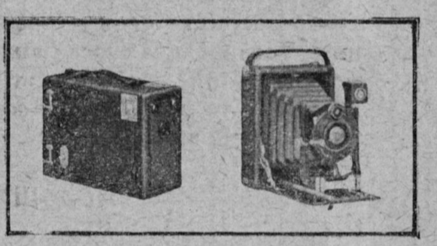

Рис. 3.

ВИДОИСКАТЕЛЬ

Каждый из вас знает, что для того, чтобы попасть в цель из ружья, надо сначала хорошо прицелиться. Для прицела на каждом ружье есть прицельная мушка и рамка с прорезью. Если бы этих приспособлений не было, то никогда нельзя было бы попасть в цель, даже из самого хорошего ружья. То же самое и с фотографическим аппаратом. Каждый аппарат имеет приспособление в роде прицельной мушки. Правда, оно совсем не похоже на прицельную мушку, но назначение его такое же. Это приспособление называется видоискателем. Как показывает само название этого прибора, он служит для того, чтобы отыскать тот вид, который попадет на пластинку аппарата. Прибор этот устроен так, что напоминает собой маленький фотографический аппаратик. Это небольшая коробочка (см. рис. 4), в передней стенке которой помещается маленькое увеличительное стеклышко, сквозь которое лучи проходят так же, как сквозь объектив. Чтобы удобно было наблюдать за изображением на матовом стекле, его ставят не сзади, а сверху, за увеличительным стеклом ставят зеркальце, которое отражает лучи вверх. На многих видоискателях, вместо матового стекла, ставят сверху второе увеличительное стекло, отчего предметы становятся видны лучше. Во время съемки смотрят в видоискатель сверху, — все, что видно в видоискателе попадает на пластинку. Бывают видоискатели, другой конструкции, в виде проволочной рамки, сквозь которую отыскивают предмет съемки. Эти видоискатели называются иконометрами. Есть видоискатели тоже в виде рамочки, но с рассеивающим стеклом внутри. Они называются „ньютоновскими“.

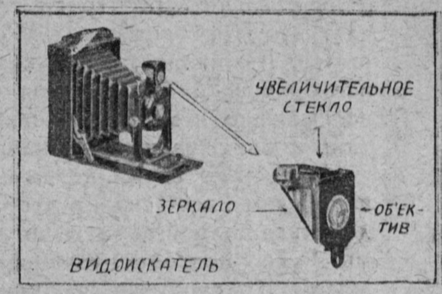

Рис. 4.

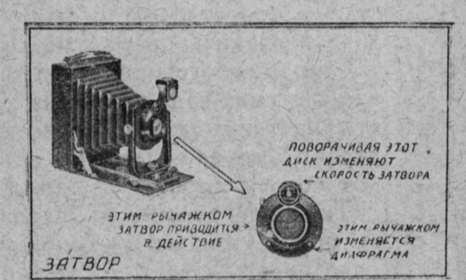

Рис. 5.

ЗАТВОР

На передней стенке складного аппарата (см. рис. 5) вокруг объектива видна круглая коробочка с разными рычажками и колесиками. В этой коробочке помещается затвор. Затвор этот представляет собой механизм, который автоматически открывает и закрывает объектив. Вы уже знаете, что для того, чтобы произвести съемку, нужно открыть на некоторое время объектив, а затем снова его закрыть. Когда не было затворов, фотографы употребляли маленькую круглую крышечку, которую они снимали и снова одевали на объектив. Каждый из вас поймет, что пользоваться крышкой неудобно. Когда снимаешь ее, легко сдвинуть аппарат со своего места, кроме того, и это самое главное, нельзя снимать предметы, которые двигаются и особенно те, которые двигаются быстро, а нам часто придется снимать такие предметы. Вот, например, на рис. 6 снят момент игры в футбол. Чтобы сделать такой снимок, пришлось открыть объектив на такой короткий момент, который сразу даже трудно будет понять—это $^{1}/_{1000}$ (одна тысячная доля) секунды, т. е. если бы наш затвор работал бы беспрерывно, как машина, он успел бы в продолжение одной лишь секунды тысячу раз открыться и закрыться. Понятно, что с такой скоростью открыть и закрыть объектив рукой невозможно. Эту работу и выполняет затвор. Теперь вам ясно, какой важной частью является затвор.

Рис. 6.

ДЕЛО БЫЛО В АСТРАХАНИ

Очерк Л. ВОРОНКОВОЙ
Фото Пресс-клише

ДЕЛО БЫЛО В АСТРАХАНИ

Астрахань—приморский портовый город. Пыльный, грязный, пропахший рыбой.

Но зато это город богатый рыбными промыслами. Здесь заготавливается рыба для всего нашего Союза.

В прежние времена в этом рыбном месте водились крупные купцы: братья Солдатовы, Гладченко и много других. Они ловили рыбу, продавали ее и наживались как только могли.

Торговля у рыбников шла хорошо. Их фирмы, солидные и важные, носили звучные названия: „Волгарь“, „Волгорыбка“ и т. д.

Советская власть заставила всех этих рыбных тузов свернуть свои чересчур широкие сети. Законом установлена для них определенная норма, а больше этой нормы частники ловить не имеют права. А то дашь им волю они, пожалуй, всю рыбу из Волги повыловят.

ПОД ШУМОК

Наше государство перестраивает свое хозяйство на социалистический лад. Оно развивает кооперацию, которая дает товар лучше и дешевле чем у частного торговца и этим самым вытесняет его с рынка. Вы видите, как с каждым годом становится все больше и больше кооперативных магазинов и все меньше и меньше частных. Частник падает, затаив свою отчаянную ненависть.

И вот в то время, когда мы напрягаем все силы, чтобы добиться полной победы, когда мы уже повсеместно побеждаем, в Астрахани, на руководящих ответственных постах в торготделе, в финотделе оказались предатели.

Они много говорили о том, что частника надо уничтожить, что частник уже ослабевает, что он уже еле дышит и вот-вот совсем умрет.

Так они говорили и писали. А под шумок этих хороших разговоров завели с частниками большую дружбу.

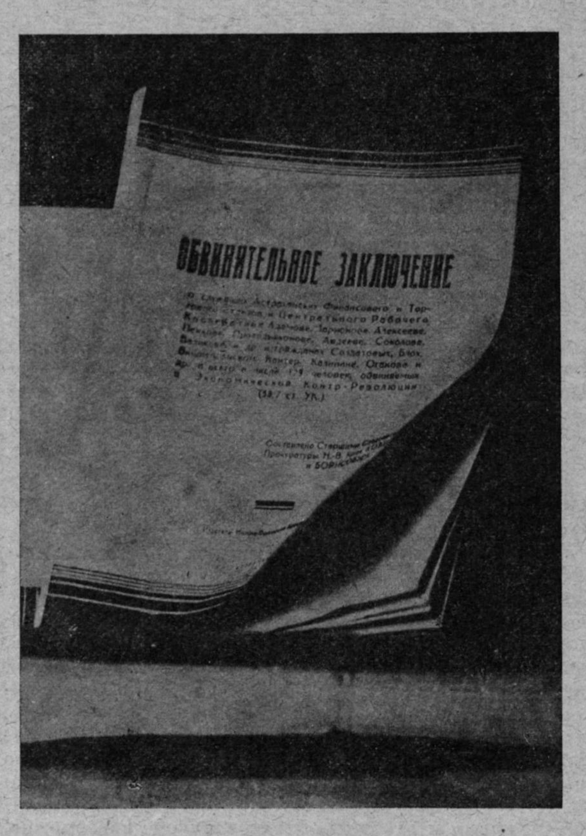
В 1925 году, бывший заведующий торготделом Панков уезжал в Саратов. И передавая дело Протодьяконову — сказал:

— Ты братьев Солдатовых не обижай, Это фирма крупная и ребята хорошие. Лев Кантер тоже платит хорошо!

Панков был хитрый и осторожный человек. Взятки брал, частникам помогал, — следов нигде не оставил. Он любил себя показать очень деловым человеком, большим работником. Он разъезжал по командировкам, писал громкие статьи о том, что частников надо уничтожать.

Правда, после оказалось, что и статьи-то писали за него другие, а он только гонорар получал.

Протодьяконов тоже оказался малый не промах— от взяток не открещивался.

В обвинительном заключении по астраханскому делу 300 печатных страниц.

БЫВАЮТ ЛИ ТРАВОЯДНЫЕ ТИГРЫ?

В астраханской атмосфере была изобретена необычайная теория — теория здорового частника. Впрочем эта теория астраханским аппаратчикам совсем не казалась необычайной. Они с ней даже вполне соглашались. Потому что притупилось у них классовое чутье, перестали они отличать классового врага.

— Здоровый частник—это такой частник,—говорили они,—который очень любит и уважает советскую власть. И делает все так, как ему эта власть предписывает. За что же его гнать-то?

Они перестали сознавать, что не может быть частника без жажды наживы и без ненависти к Советскому государству, которое эту наживу у него урезывает—как не может быть быстроногого тюленя или травоядного тигра.

РЫБНЫЕ ВОРОТИЛЫ

Много в Астрахани водилось всяких акул и щук. Одними из крупных хищников были братья Солдатовы. Фирма „Бр. Солдатовы“ — была очень внушительна. Это старинные астраханские купцы, давно начавшие свое дело. У них было лучшее оборудование для ловли рыбы и... барышей, а их вобла славилась лучшим качеством.

Братья Солдатовы привыкли вести дело широко, и к наживе у них был хороший аппетит.

ПРОНЫРЛИВЫЙ БЛОХ

А вот еще один—помельче, но тоже человек, которому палец в рот не клади.

Где-то под Киевом учился Блох в гимназии. Потом служил в советских учреждениях. Был даже секретарем в нарсуде, хотя и, говорят, его оттуда выгнали.

Соблазнили Блоха рыбные барыши его родственников, которые имели в Астрахани собственный промысел. Решил и он попытать счастья. Почти без денег Блох начал „работать“.

129 обвиняемых под конвоем идут на суд.

Трудно было ему первое время, но о таких людях беспокоиться не приходится. Он вывернулся, выскользнул из нужды, как угорь. Стал крупным рыботорговцем, попал в списки рыбозаготовителей. Одним словом, дело пошло по маслу.

СРЕДСТВО ПРОТИВ ШТРАФОВ, НАЛОГОВ И ПРОЧИХ НЕПРИЯТНОСТЕЙ

Чтобы не платить штрафов за незаконный улов и чтобы избавиться от больших налогов, частникам пришлось дать много взяток начальникам торготдела и финотдела.

Сговориться с Протодьяконовым, возглавлявшим торготдел, было не трудно. Он был человек не гордый, когда дело касалось взяток.

Пример торготдела оказался заразительным. Финотдел тоже не устоял перед обаянием взятки. Купив астраханских госаппаратчиков, рыботорговцы вздохнули свободнее. Рыбы ловили, сколько хотели, а налога платили в десять раз меньше, чем полагается.

— Это у нас „десятичная система“,—смеялись частники между собой,—хорошее средство взятка!

Частники поставили дело так, что ловцы к ним шли охотнее работать, чем в государственные учреждения. Денег платили меньше, но зато без задержки, да еще и водкой угощали. А что иногда несколько часов лишних работать приходилось—так уж у частника без этого не обойдешься! Так эксплоатировали рыбаков хищные Солдатовы и другие астраханские частники.

А работники торготдела и финотдела ничего „не замечали“. Они вместе с нэпманами весело кутили в астраханских кабачках. Есть там кабачки „Зеленый остров“, „Солнце“, „Луна“ и еще много таких же замечательных планет, где можно отлично покутить и спустить уйму денег.

МОЖНО ЛИ КОЗЛУ ДОВЕРЯТЬ ОГОРОД?

Вместо того, чтобы давать покупателям продукты лучше и дешевле, чем у частников, и этим самым бороться с ними и вытеснять их—астраханский кооператив работал безжизненно и печально. Рыбы для заготовок ему нехватало, для торговли тоже. Астраханские кооператоры отказались от борьбы с частником, они хотели с ним мирно сработаться. Принимали к себе на службу разорившихся торговцев и относились к ним почтительно: спецы, ведь!

Однажды кооператив купил в Баку у купца Махмедова 15 вагонов риса. И нечаянно переплатил ему 15 тысяч рублей. Махмедов не успел доставить рис водным путем, а кооператив вместо того, чтобы отказаться от риса вовсе, разрешил везти его по железной дороге. От этой перевозки рис еще вздо-

рожал. Но, ведь, торговцам, сидевшим в кооперативе,—рабочих денег не жалко: не беда, если и переплатят 20 к. на кило.

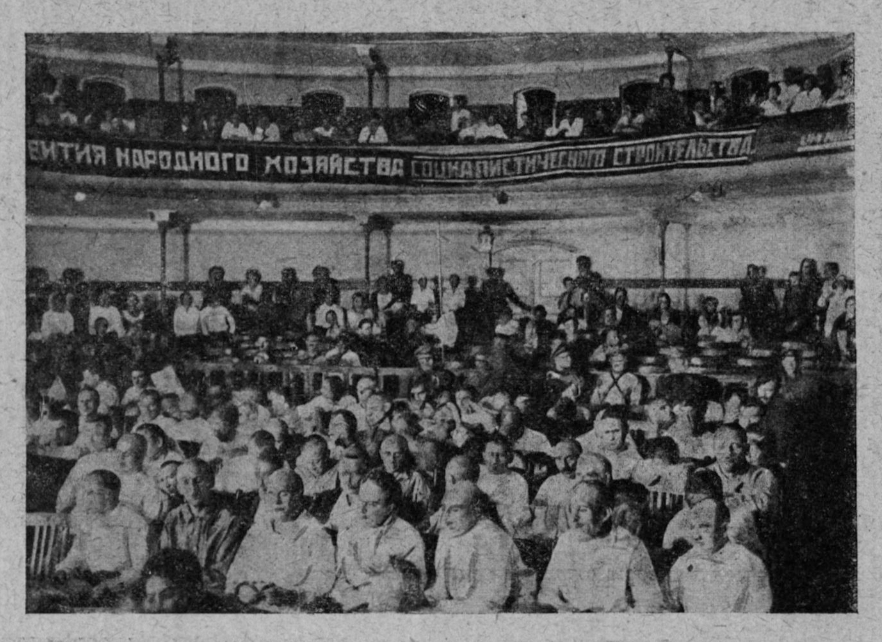
Вот что значит пустить козла в огород.

ЗАГОВОР МОЛЧАНИЯ

Круговая порука связала все звенья советского аппарата в Астрахани. Все были замешаны во взяточничестве и друг друга не выдавали. Выдай одного,—он и всех за собой потянет.

И везде царил страшный заговор молчания. Все видели и все молчали. Живая волна самокритики, разлившаяся по всему Союзу,—в Астрахани была зажата бюрократизмом советских чиновников.

И астраханская газета „Коммунист“ тоже молчала. Она „не знала, не умела, не смела критиковать“.

Трудящиеся Астрахани слушают процесс.

Даже коммунисты не возражали и только усмехались, когда в торготделе при появлении какого-нибудь Кантера, сослуживцы мило острили:

— Вот наш „хлеб“ идет!

Одни молчали, потому что им понравилось получать взятки, а другие, испугавшись трудностей, не имея смелости бороться, опустили руки:

— Все равно ничего не выйдет. Кричи, не кричи, а частника нам не победить. И без частника—нам не обойтись!

Правда, были люди, которые возвышали предупреждающий голос. Например, машинист тов. Костин.

— Частник растет!—говорил он,—частник становится полным хозяином астраханской рыбопромышленности!

— Частник—на пороге окончательного уничтожения,—строго ответили главки,—а ты—склочник!

И выбросили тов. Костина с работы.

Это еще раз доказывает, какая широкая „самокритика“ в кавычках была в Астрахани.

Но так долго продолжаться не могло. Коммунистическая партия, вооруженная острым оружием пролетарской самокритики, беспощадно борется с классовым врагом и с предателями, изменниками делу рабочего класса.

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНЬЕ

Сто двадцать девять человек село на скамью подсудимых. Работники суда, финотдела, торготдела, кооператоры. Вся эта теплая компания много раз встречалась в веселых астраханских кабачках, с самыми радостными настроениями и перспективами.

И в последний раз они встретились вновь, только в иной обстановке и с иными настроениями. Тут уж было не до дружеских разговоров. Каждый старался оправдаться, свалить на других более тяжелую часть вины.

ВРЕТ, КАК ПРОТОДЬЯКОНОВ

Протодьяконов—главное лицо астраханщины—до конца нагло отрицал свою виновность.

— Я взяток не брал. Вы меня не поймали на этом. А не пойман—не вор!

Но его выдали те, которые ему платили: Кантер, Солдатов, Блох...

Один за другим проходили перед судом астраханские „герои“. Некоторые пробовали отпираться, как и Протодьяконов. Но Блох первый сбился и признался во многом. За ним начали исповедываться и другие. И только тут, на суде, стало отчетливо видно, до какой степени разложился весь астраханский госаппарат—эта кучка людей, сдавшая все позиции классовому врагу.

Протодьяконов, после массы улик, истерически закричал:

— Я был слепым! Я был ребенком! Я всем доверял, а теперь меня все предают!..

Но этому „ребенку“ уже никто не верил. В Астрахани даже и пословица такая сложилась: „врет, как Протодьяконов!“.

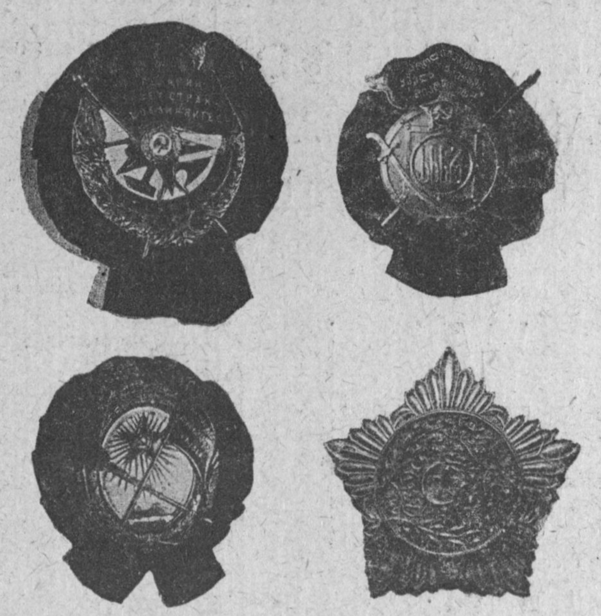
Многие подсудимые как-будто только теперь увидели, к чему ведет дружба с частником и что эта их дружба принесла государству несколько миллионов убытку.

Все эти вредители понесли достойное наказание. А в астраханский госаппарат выдвинули новых людей,—рабочих с фабрик и заводов. Они будут руководить советским аппаратом и проводить твердую классовую линию.

ВОЕННЫЕ ЗАГАДКИ

ОСАДЧИЙ

№ 1. ЧЕТЫРЕ ОРДЕНА

У каждой республики, входящей в СССР, есть своя форма ордена Красного знамени. Ордены каких республик помещены здесь?

№ 2. В ЛАГЕРЕ

Когда наш отряд приехал нынешним летом в лагерь, то вожатый послал меня и Кольку Серикова подыскать подходящее дерево для мачты. Долго блуждали мы под палящим солнцем, но, наконец, отыскали высокую, ровную и почти без сучков сосну. Сделали зарубку и пошли назад. На обратном пути встретились с ребятами, которые ходили в деревню узнавать про местный пионерский отряд.

— Ну и здоровенную же мачту мы отыскали,—выпалил Колька ребятам,—стройную и высокую,—протянул он.

— А метров-то в ней сколько?—спросил Шурка.

Так как этого мы не знали, то вернулись обратно, надеясь измерить. Попытался было я влезть, но, забравшись чуть, сполз—уж больно неудобно. Полез Колька—тоже неудача, даже штаны изодрал. Совсем уж было отчаялись, измокли, исцарапались, даже зло взяло на вожатого: «ишь, чорт, надумал чего—отбери ему да измерь еще. Пускай сам идет мерить».

Вернулись назад и говорим: «Мачта хороша, но измерять-то ее полезай сам, а с нас хватит».

«Что-ж, — говорит, — идемте». А по дороге мы над ним труним: «Вот посмотрим, как ты полезешь-то!»

Подошли. Взял у нас вожатый из рук палку, осмотрелся кругом и, не влезая на дерево, измерил.

— Вот леший!—воскликнул Колька,—а мы-то дураки на дерево лезть собрались, а это оказывается так просто.

№ 3. КРАСНОЗНАМЕНЦЫ

На этих рисунках изображены командиры Красной армии, которые за крупные боевые заслуги перед страной были награждены орденами Красного знамени.

Мы хотели познакомить наших читателей с героями Красной армии и предложили молодому художнику их зарисовать. С этой задачей художник справился, но ошибка в следующем: вместо того, чтобы тов. Федько нарисовать четыре ордена Красного знамени, которые он имеет, он нарисовал два, так же он ошибся и на других.

Когда мы ему заметили это, он ответил нам: «все равно, пионеры не знают, по скольку орденов имеют эти командиры».

Мы поспорили с ним и договорились перенести решение этого вопроса к нашим читателям на следующих условиях. Если читатели журнала «Пионер» правильно распределят ордена между изображенными на фотографиях командирами, то художник нарисует нам еще ряд портретов героев Красной армии, а если они этого сделать не смогут, то художник берет себе право всюду и громогласно заявлять: «Пионеры не знают героев Красной армии».

Адрес редакции: Москва, Центр, Новая пл., 6, изд-во «Молодая Гвардия», редакция журн. «Пионер».

Редколлегия: И. ЖЕЛОБОВСКИЙ, Б. ИВАНТЕР, И. РАЗИН, И. ХАЛТУРИН, М. ЭПШТЕЙН. Ответственный редактор И. РАЗИН

Москва. Главлит А 52126. Изд. № 3832. «Мосполиграф», 16-я тип., Трехпрудный пер., 9. 32000 экз.

ЦЕНА 20 КОП.

~~20 коп~~

1970 000 ПИОНЕРОВ
20 000 000 ШКОЛЬНИКОВ
УТВЕРЖДАЛИ, ЧТО ОНИ НЕ ВЫПИСЫВАЮТ ЖУРНАЛА „ПИОНЕР", ПОТОМУ ЧТО ОН СЛИШКОМ ДОРОГ

В 1930 ГОДУ ЖУРНАЛ „ПИОНЕР" БУДЕТ ВДВОЕ ДЕШЕВЛЕ!!!

10 коп. 10

ОН БУДЕТ выходить 3 раза в месяц
печататься в 2 краски.

ЕГО БУДУТ читать все школьники,
выписывать все пионеры

ЧИТАТЕЛЬ!
ГОТОВЬСЯ К БУДУЩЕМУ ГОДУ!

Подписная цена: в год—3 руб.; 6 мес.—1 руб. 60 к.; 3 мес.—85 к.
ПОДПИСКУ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯЙТЕ: МОСКВА, ЦЕНТР, НОВАЯ ПЛ., 6, ИЗД-ВУ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», ВО ВСЕ ОТДЕЛЕНИЯ ИЗД-ВА, ВО ВСЕ КИОСКИ КОНТРАГЕНТСТВА ПЕЧАТИ, ПИСЬМОНОСЦАМ, ВО ВСЕ ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫЕ КОНТОРЫ, А ТАКЖЕ УПОЛНОМОЧЕННЫМ, СНАБЖЕННЫМ УДОСТОВЕРЕНИЯМИ.